

ДУШЕГУБ

ПЬЕСА В ЧЕТЫРЕХ ДЕЙСТВИЯХ С ЭПИЛОГОМ
СТИХИ ДЕНИСА НОВИКОВА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ДИНА. Камерная барышня, студентка.

ВАСИЛИЙ. Художник.

ВАСИЛИСА. Его жена.

ВЛАДИМИР. Журналист.

КИРИЛЛ ОРЛИКОВ. Поэт.

УЛЯ. Подруга Кирилла.

СЕНЯ. Литератор, самбист.

КАРЛ. Клиент Дины.

КОСТРОВ. Культуртрегер.

БАБА ДУСЯ. Разведчица.

ВАСЬКА. Партизан, боевик.

НАЧАЛЬНИК КОЛОНИИ. Полковник

КАРЛ. Эсесовец, латыш.

РЕНАТ. Директор школы самбо.

ВЕДУЩИЙ В РОК-КАФЕ.

ТРОЕ МУЗЫКАНТОВ ГРУППЫ «АЛИ-БАБА»,

ПЕТР ПЕТРОВИЧ. Официант.

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ БИБИДЕНКО. Поэт.

ЛЮСЯ. Литературная женщина в Лондоне.

ИОСИФ БРОДСКИЙ. Поэт.

ЭМИЛИ МОРТИМЕР. Студентка. Исследователь русской поэзии.

ДВЕ ПОДРУГИ ЭМИЛИ.

ТОЛЯ АРХАНГЕЛОВ. Финансист, друг Кирилла.

ИГОРЬ. Поэт, прозаик.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Довольно большая мастерская художника Василия на чердаке престижной «сталинки». Повсюду задрапированные картины. Василий делает наброски голой Дины - «камерной барышни» лет двадцати с модельной внешностью. Рядом с ним скульптурная композиция из белого мрамора - «Хор». Трое ребятишек с ангельской внешностью что-то поют. Поскольку композиция невысокая, метра полтора, Василий время от времени облакачивается на голову старшего и самого высокого мальчика.

Напевает.

Василий. - Поп оп татарина, поп оп татарина, поп оп татарина - а татарин оп-па попа, а татарин оп-па попа...

Дина. - Вась.

Василий. - Да.

Дина. - Выть перестань.

Василий (без перехода). – И еще ты мне обещала рукавички на зиму.

Помнишь, модные такие, Хуан забыл... или Джон... Ну, неважно. Главное, что не забирают.

Дина. – Ну, Вася, у тебя память... Мы же тогда в попаламе были, как ты запомнил?!

Василий. – Запомнил. Жизнь такая, Диночка, что не только это запомнишь. В Союзе начали прижимать, на последней выставке из трех натюрмортов только два ушли. Нет яркого пятна, не задевает глаз...

Красную жопу макаки им надо выставить. Вот тогда глаз зацепится, это уж точно. Рукавички синенькие, сверху какая-то ткань непромокаемая, тебе–то они на хрен, мужские ведь.

Дина. – Да ладно. Раз пообещала, отдам. Мы детей не обижаем. И убогих, которые мало того, что за съем большие миллионы просят, так еще и квартплату этому долбаному государству за них стой в очереди плати. А я, Вася, и в камерные барышни-то пошла, чтобы с ним не пересекаться. Нигде. Так что деньги, конечно, давать буду, а бегать платить давай сам. Иначе никаких рукавичек.

Василий.- Это ты мне... Художнику с мировым именем... Да как язык поворачивается!

Дина.- Язык у меня ого-го как поворачивается. Отбоя от вас нет, дай только языком повертеть.

Василий. - Да ну, Дин, я же серьезно...

Дина. - И я серьезно. Кто это сказал: у меня с государством чисто эстетические разногласия...

Василий (бурчит). – Андрей Синявский, Абрам Терц... Начитанная, бля...Плати в интернете, делов - то.

Дина (жестко). - Сказано - сам плати. Так, Васька, я опять что-то примерзла. Надо глоток сделать...

Василий. - Смотри, не наберись раньше времени...

Дина. - Поговори еще, ремесленник.

Василий. - Ох, ох, ох...

Дина. - Ну конечно, сказать - то больше нечего. Я - то ведь не лох-покупатель.

Она достает фляжку, прикладывается. Звучит звонок в дверь. Василий идет открывать. Дина заворачивается в какое-то подобие туники. В

мастерскую входят Кирилл Орликов, высокий, но очень худой, красивый парень в пшеничных усах, Уля, девушка с навсегда застывшими глазами, и похожий на колобка Сеня. Вся компания примерно одного возраста, им за тридцать. Хорошо навеселе.

Кирилл. – А чего это вы здесь? Пошли лучше на этажи. А то опять какой-нибудь зверек нажрется, и наблюдает на твои, извини конечно, так называемые полотна.

Уля. – Кирилл! Не стыдно?!

Кирилл. – Да причем здесь стыдно или не стыдно! Енот, не умеешь пить, так не играй в эти игры.

Уля. – Сам ты Енот. Из - за тебя же все, будто не знаешь...

Кирилл. – Знаю. Об этом и говорю. Нажрешься, кто меня донесет? Он, что ли? (Кивает на Сеню.) Может, и донесет, только сначала отмудохает. А назавтра с умильной рожей: у тебя нигде ниче не болит?..

Сеня лучится улыбкой.

Василий (он сидит на голове среднего мальчика. Задумчиво). – А ведь прав поэт.

Кирилл. – Кто бы сомневался. Динка, не смей одеваться.

Дина. - Ага. Сейчас. Так в этой тряпке и пойду. Сам – то не хочешь попробовать?

Кирилл.- Вот когда права, тогда права. Пробовал. Холодно и противно. Вообще, жуткое у тебя ремесло, не комфортное.

Дина (бурчит в сторону Василия). – Вот именно - ремесло. (Кириллу.) Твое будто лучше.

Кирилл. – Сравнила хрен с пальцем.

Дина. - А ты не цепляйся к голой беззащитной девушке.

Кирилл. - Прости, дорогая. Чего, Дин, на своих обижаться... Ты камерная барышня. Я тоже камерный человек. Слушай, возьми Ульку в ученицы. А то из меня педагог никакой (хохочет). Уль, да я же шучу. Енот, кончай драться, доставай водку.

Василий. – Не надо. Достанешь, когда спустимся.

Уля - А куда поедем? На седьмой или на пятый?

Дина. – Можно и на седьмой. Но убираться потом всех заставляю.

Кирилл. – Серьезное заявление. Ну, выбор невелик, тогда на пятый. Вот Василиса – то обрадуется.

Василий. – Все же, какой ты циник, Кир. Я ведь за Ваську могу и по роже дать.

Кирилл (загорается). – Дай. Вась, родимый, дай. Ну соверши этот простой поступок. Давай подеремся. Ну убей меня. Отсидишь какую -нибудь десятку, и жизнь удалась. Вась, ну это же шанс, ну не катят твои полотна, на хрен никому не нужны... Вот поверь мне, ты же знаешь, я умней вас

всех, только на нарах спокойно выспишься.

Василий.- Не дожدهшься. Азеф чертов. Мои полотна оценят после смерти, как положено...

Кирилл. – Ладно. На пятый, так на пятый. Пошли.

. Василий. – Сщас. Переобуться дайте...

Он сбрасывает тапки, ставит поочередно ноги на голову совсем маленького, третьего, мальчика, и с помощью сапожной ложки, морщась, надевает тесные туфли.

Х Х Х

Интерьер обычной московской трехкомнатной квартиры на пятом этаже того же дома. На кухне сидят Василиса, жена Василия, не очень красивая женщина, и Владимир, как и Кирилл, высокий, но крупный смазливый мужчина. На столе коньяк «Ахашени».

Василиса. – Дышать трудно?

Владимир. – Трудно. Трудно, Вася. И писать трудно. Ну ты же знаешь...

Василиса. – Каждый пишет, как он дышит...

Владимир. – Вот. Вот , Вася. Поверишь : иногда информацию в газету буквально через силу пишешь. А ты говоришь...

Василиса. – А че я говорю?

Владимир. – Вот я смотрю на тебя, и вижу женщину. Нет, рукам не трогаю, но я же вижу, Василиса! Вася. Мне и осталось – то немножко, ну, ты же знаешь...Я должен что-то написать, чтобы они знали. Вот судьба, только понял, что ты... и рак легких! Налей, Вася.

Василиса наливает. Смотрит на него пронзительно, с болью, потом тянет рюмку — чокнуться.

Владимир. – Нет, Вася. Не чокаемся. Там уж потом встретимся, там и чокнемся.

Они выпивают. В это время входят Кирилл, Уля, Сеня, Дина и Василий.

Василий (недоуменно). – Ни хрена себе. «Ахашени». Василиса, ты же с утра говорила, что в кошельке ноль... Вовка, твои дела?

Владимир. – Ну, если можно так выразиться... Какая разница, мои, не мои...

Дина. – Есть разница. Один долбится, другой дразнится.

Владимир. – Да. Да, Василий. Я давно и безответно люблю твою жену.

Василиса (обескураженно). – Вовка, ты че городишь?! Ребята, не слушайте его, он умом повредился. Рак у него сегодня обнаружили...

Кирилл. – У кого? У него?

Василиса. – Ну да. Не у меня же...

Кирилл. - Когда он тебе это сказал?

Василиса. – Ну, я не знаю... Может час, может полчаса...

Кирилл (берет бутылку, смотрит на просвет). – Понятно. Расскажи, как и где.

Владимир. – Так. Я не понял. Что за допрос?!

Сеня. – Кира, прибить его?

Кирилл. – Подожди, Сеня. Василиса, так ты расскажи, когда и где ты у Вовки рак обнаружила?

Василиса. – Ну где. В подъезде обнаружила.

Владимир. – Ребята! При чем здесь мой рак?! Василий, я давно и безответно люблю твою жену. Василий, ну твою мать, ну хоть это тебе понятно?!

Василий.- Правда, что ли, безответно?

Сеня. - Василий. Он же говорит, что давно и безответно. Ну дай хоть я ему в рожу дам! Через меня ведь не пройдешь...

Кирилл. – Как ты сказал? Через меня?! Ты, Сеня, гений!

Сеня. - Гений? Ну конечно, гений. Жалко, мало кто это понимает. А этому в рожу все же надо бы...

Владимир (встает). - Паазвольте...

Сеня (восхищенно). - Вот курва! Сам же хочет! Мазохист!

Кирилл, бормоча что-то, уходит в ванную, садится на край ванны, достает маленький блокнот, ручку, начинает писать, все так же бормоча.

Сеня бьет Владимира в плечо. Тот садится, чуть не плачет.

Владимир. - Да за что?!

В комнату возвращается Кирилл.

Василиса. - Кир. Забирай свою гоп-компанию, и шуруйте допивать вон к Дине на седьмой. Иначе я за себя не отвечаю. Представляешь, чем все может кончиться.

Сеня. - Чем?

Василиса. - А ты, Шапиро, вообще молчи!

Сеня. - Чего? Какой Шапиро?!

Уля. - Да ладно, Сеня. Поговорка у нее такая. А ты и правда, что-то не по делу развоевался.

Сеня. - А че он...

Владимир. - Ты, Вася, Шапир - то настоящих не видела. Это, друзья, не Шапиро. Это антишапиро!

Сеня (ворчит). - Ну да, куда уж нам...

Владимир. - Да не в этом дело. Ребята! Да вы что, охренели, что ли? У

меня рак обнаружили! Я завтра в 16.50 умираю!

Кирилл. - Вот ты, Василиса, вроде крутая баба, а на такую дурь ведешься. Да у этого шута горохового, кроме триппера, ни один врач ничего не найдет. Что, выпить негде было, клоун хренов?

Владимир (глядя в пол). - Но коньяк - то мой.

Кирилл. - Еще бы.

Василиса (берет большой том Достоевского и бьет им по голове Владимира). - Сучок!

Дина (свистит в два пальца). - Васька! Добавь! Или давай я...

Сеня. - Порвем его, граждане женщины...

Уля. - Погнали наши городских...

Кирилл (повышенным тоном). - А ну цыц все! Сели и рты закрыли. Стих прочитаю.

Все моментально рассаживаются и замолкают. Кирилл начинает читать.

Так знай, я призрак во плоти,

Я в клеточку тетрадь.

Ты можешь сквозь меня пройти,

Но берегись застрять.

Так много душ ревмя ревет,

И рвется из огня.

А тоже думали - брехня,

И шли через меня.

И знай, что я не душегуб,

Но жатва и страда.

Страданья перегонный куб,

Туда-сюда.

Х Х Х

Позднее утро. Квартира на седьмом, которую Дина снимает у Василия, почти ничем не отличается от предыдущей. Две комнаты в разрезе. В глубине квартиры подразумевается кухня. В одной комнате спят Уля и Кирилл, в другой Дина в постели с немцем Карлом, живущим с ней на одном этаже. Просыпаются.

Кирилл. - Енот, у нас травка осталась?

Уля. - Кира, да ты же вчера одну за другой смолил. Откуда ей остаться?!

Кирилл. - Так. Уль, гони к барыге. Да быстрее, Уля... Что ж ты такая заторможенная!

Уля лихорадочно натягивает колготки.

Уля. - Кир, ну потерпи. Стих сочини пока. Я быстро.

Кирилл. - Как все просто, оказывается. Стих сочини пока... пока ломает. Никогда из тебя ничего не выйдет, Енот.

Уля. - Так когда же еще писать, пока не ломка?! А, Кир? Твои, между прочим, мысли.

Кирилл. - Я то напишу. Вообще, Енот, вот если бы кто-нибудь подкатил мне пару килограмм травки, я бы тут же гениальную поэму выдал. Хотя, и так неплохо...

Уля уходит. Кирилл ложится. Слышит разговор за стеной. Слова понять невозможно. Он улыбается, бурчит: «Ниче-ниче. В конце концов все образуется. Такая школа даром не проходит. Сейчас, Динка, сейчас». Он встает, садится за стол, достает свой блокнотик, начинает писать.

Х Х Х

Комната Дины. Она тормозит еще не совсем проснувшегося Карла.

Дина. - Ты что же, паразит, творишь втихомолку! Воспользовался моим состоянием, и не ушел ночью! Карл, где хваленая немецкая дисциплина? А ну-ка, шнеллер, хенде хох! Будешь платить неустойку... за нарушение контракта спрошу строго.

Карл. - Ладно, ладно, заплачу. Но, Дина, вчера у нас был жаркий бой. Ты пьяная просто секс-ураган. Вот и заснул потом нечаянно... Первый раз со мной такое. Будет снисхождение?

Дина. - Все это отговорки лживые. И глупые. Потому что я всегда секс-ураган, хоть пьяная, хоть трезвая. Или не так?

Карл. - Так, так... Ладно, я заслужу твоё расположение. И дело не в неустойке, хрен с ней, заплачу. Положение более серьезное, чем ты думаешь...

Дина. - Понабрался : «хрен с ней», туда же... Ты вообще о чем, Карл?

Карл. - Нас четверо, в этом доме. И ты для нас, для Хуана, Пьера, для меня и Джона, просто мать родная. Ведь кроме секса есть еще что-то. Вот они меня и возмутили своим ренегатством...

Дина. - Таак. Что такое?!

Карл. - Мне кажется, джентльмены хотят создать что-то вроде профсоюзной организации. Ну, помнишь, Лех Валенса, «Солидарность», тред-юнионы...

Дина.- Я даже восстание лионских ткачей помню...

Карл. - ...и предъявить тебе некий меморандум о правах...

Дина.. - Меморандум или ультиматум?

Карл.- Дина, я в таких делах очень пунктуален. Меморандум.

Дина. - А ты что же, под ним не подписываешься?

Карл. - Ну есть же контракты. Их надо выполнять, а не заговоры плести.

Дина. - И чего хочет борзота?

Карл. - Кто?

Дина (машет рукой). - А! Ответь на вопрос. Раз уж начал.

Карл. - Ну, как я понял, речь идет о качестве услуг... Мол, все зависит от твоего настроения... Хотят гарантий, определенных скидок...

Дина. - Что?! Вот засранцы! Ох как горько жалеть будут... На рею, на рею... Пооткусываю к чертовой матери...

Карл. - Пооткусываю?!

Дина. - А ты как думал! Можно сказать, третья мировая на пороге...

Карл (восхищенно). - Вундебар!

Дина. - Хочешь знать, как это будет? Вот смотри. Ты сейчас кто? Ты сейчас молодой перспективный немецкий дипломат. А через секунду станешь обрезанным еврейским инвалидом.

Дина, мгновенно перевернувшись, ныряет под одеяло с головой. Карл истошно кричит по-русски и по-немецки: «Нет! Найн!» Он падает с постели на пол. Дина садится.

Дина. - Страшно?! А куда делось чувство исторического покаяния? Где готовность искупить вину дедов и отцов? Ладно, не бойся. Тебя не трону. Но есть разговор. Или так: есть деловое предложение. Ты говорил, что в Гамбурге защищался по Канту.

Карл. - Да. Это правда.

Дина. - Карлуш, я через год заканчиваю университет. И хочу диплом писать именно по нему. Ну, что-то вроде: «Категорический императив Канта в постсоветской России». Давай бартер — ты меня полностью консультируешь, а я на это время не беру с тебя ни копейки.

Карл. - Дина, это жутко интересно. Тем более, что в России этот императив не работал никогда.

Дина. - Ну, ты не обобщай. Но, собственно, об этом и речь. Так как?

Карл. - Без проблем. Помогу.

Дина (усмехается). - Везет тебе, молодой красивый...

Карл (осторожно, с опаской). - Ну, мне пора.

Дина. - Удачи.

Он уходит. Дина смотрит ему вслед и говорит вслух.

Дина (рассеяно). - Категорический императив... Нравственность в форме закона... Можно подумать, у них он когда-нибудь работал...Эх, моя жизнь состоит из таких вот досадных мелочей...Закон...Но сначала надо будет определиться с формулировками...

Пауза.

(Сварливо.) Нет, ты посмотри на него - никогда не работал! Взял ребят сдал. Понятно - немецкий порядок. На клеточном уровне. (С невольным восторгом.) От немчура...(Сбавляет тон.) Великая нация. А императив не работает! А где он вообще-то работает? То-то и оно...

Х Х Х

Дина подходит к комнате Кирилла. Стучит в дверь. Кирилл лежит на тахте с закрытыми глазами. Отвечает.

Кирилл. - Заходи.

Она заходит в комнату. Кирилл так и лежит, не открывая глаз. Дина подходит к нему.

Дина.- Мечтаем! Поди, Мэрилин Монро сейчас отдаешься... А где Уля?

Дина машинально берет книгу, лежащую рядом с тахтой на стуле.

Дина. - «Библия». Пардон...

Кирилл (привстав, резко). - Ну-ка положи на место.

Он ложится. Пауза.

Кирилл. - Все таки, какая же ты дура...

Он смотрит на растерянную пунцовую Дину. И заканчивает.

Кирилл. - ...ангел мой. Хватаешь без разрешения... Ну где ты этих плебейских замашек набралась, а?

Дина (пожимает плечами). - Где, где...На факультете, наверное. Философском, между прочим. Кир, давно хотела спросить... Ругаться не будешь?

Кирилл. - Подумай сначала.

Дина мнется. Она девушка без комплексов, решительная, но только не с Кириллом. Видно, что побаивается.

Дина. - А как ты себе Бога представляешь?

Кирилл. - А как ты себе бесконечность представляешь? Ну, ты же в курсе, что существует бесконечность? В конце концов, факультет - то действительно философский. Пятый год там отираешься...

Дина. - Кир, ты не прав. Я, скорее всего, на красный диплом выйду. А бесконечность, по моему, представить нельзя. Образно. Человеку...

Кирилл. - Представить нельзя. Но ты же веришь, что она есть?

Дина. - Конечно.

Кирилл. - Ну, вот так и с Богом. Чего его представлять. Надо просто верить, что он есть. Дошло?

Дина. - Более или менее...Хотя, как-то это все примитивно...Наверное, слишком тонкий вопрос.

Кирилл (садится на тахте, более оживленно). - Тут ты права. И каждый решает его по своему. В конце концов, был же Иисус. Ну конечно, ты его лично не видела. Дин, ну если тебе так уж необходимо представлять его, то можешь представлять меня... Как идея?

Оба улыбаются.

Дина. - Значит, это твои заповеди?

Кирилл. - Заповеди отца. А представлять можно меня.

Дина. - Не страшно так шутить?

Кирилл (отстранено, как бы про себя и для себя). - Шутить? Шутить, наверное, страшно. Но кто ж такими вещами шутит?

Он встает.

Кирилл. - Ладно. Я тут твою судьбу угадал. Полчаса назад. Хочешь послушать?

Дина. - Спрашиваешь.

Кирилл читает.

Теснее, и проще, и строже

Мужчины общаются с ней.

Как с женщиной, Господи Боже!

А я не желаю тесней.

Мне кажется, тесно и строго

и так уже в доме моем.

Как будто под Господа Бога,

часть зданья сдается внаем.

И жизнь для меня -

прихожанка

Мария, что в прошлом

грешна.

А ныне - твердыня,

жестянка

Гражданка, чужая

жена.

Дина. - Кира. Это ты свою судьбу все время угадываешь. А мою лишь заодно.

Кирилл - Ну да. Так получается. Но ты умница. Я восхищен.

Дина. - Чем восхищаться, лучше бы женился на мне. Вместе и продолжили бы эту историю...

Кирилл. - Динка, ты чем сейчас слушала?

Дина. - Так это же всего лишь стихотворение.

Кирилл. - Нет, Динка. Ты не ангел мой. Ты все таки дура. Ну, тут уж ничего не поделаешь. Ладно, проехали. Да и потом, думаешь, у меня ее еще много осталось? Энтот истории?

Дина пожимает плечами. Молчит.

Кирилл (качает головой). - Дин, куда ты лезешь?! Тут, мать, одного характера, маловато. Тут, лучше, чтоб его вообще не было. Как у Ули. Чтобы и туда ...(он кивает на потолок.) вместе. И без малейших сомнений. Ну?

Дина молчит.

Кирилл. - Вот то-то и оно... (Пауза.) И в кого ты такая?

Дина (смотрит на часы). - В кого? Через полчаса узнаешь, в кого...Эк тебя колбасит-то.

Кирилл. - Не говори. Эту Улю только за смертью посылать. Поди пешком обратно идет, стихи сочиняет. Я бы этот Литинститут собственноручно срыл, за то, что дурят барышням головы.

Дина. - Ну, если учесть, что «науку души» в нем одна твоя знакомая преподает... Так сказать, поэзии учит...

Кирилл. - Динка! Доконать хочешь?! Ну, сдохну сейчас...

Дина. - У меня коньяк есть.

Кирилл. - И молчишь! Тащи.

Звонит мобильный Кирилла Он отвечает.

Кирилл. - Привет, Костров. А есть о чем говорить? Если о тайной могиле декабристов, то я сейчас пока не в состоянии... Ну, заходи, коли так. Код дверной помнишь? На седьмой поднимайся. Я сейчас дверь открою.

Дина. - Кир, тогда сам приходи. Я этого кота-баюна с трудом переносу. Даже не пристаёт, только бы боярышню под белы рученьки, да в темные аллеи, да в ушко: «...князь же Петр призва его к себе и нача ему поведати змиевы речи...» и полилось, и полилось. Импотент, что ли?

Кирилл. - Ну, в определенном смысле... Ладно, я его сейчас по-быстрому сбегрю, и зайду.

В комнату входит Костров, вальяжный мужчина лет сорока, полноватый, но не толстый. Глаза у него голубые, чуть настороженные. Дина тут же уходит. Они

здороваются за руку. Кирилл говорит немного насмешливо.

Кирилл. - И чего тебе дома не сидится. Сидел бы где -нибудь на даче, удил бы рыбу, писал стихи. Нет, носит тебя бес по Москве. Вот уж точно, по поговорке : « Чем черт не шутит, пока Бог спит». Это про тебя, Саша.

Костров. - Я, брат, отродясь никакой рыбы не ловил.

Кирилл. - Ну да. Тебе некогда. Рыба - то ладно, а когда последний стих написал? Не помнишь?

Костров. - Сейчас не о том речь. Что ты знаешь о сечении? Золотом и серебряном?

Кирилл. - Саш, я вот из - за таких тупых вопросов Литинститут бросил. Какое тебе дело, что я знаю о сечениях - золотом и серебряном? В конце концов, это не только моя тайна, но и двух беременных женщин... Как я могу с тобой говорить об этом?!

Костров. - Постой. Каких беременных женщин? Че ты несешь?

Кирилл. - Я несу примерно то же самое, что и ты. Пришел к похмельному человеку с утра, начинаешь его с ходу оскорблять - дескать, говори со мной о сечениях в поэтике... Вот не буду я с тобой об этом говорить. Хрен тебе, а не сечения.

Костров. - Кирилл, да я как раз и хотел перенести теорию сечения из области литературы в область архитектуры. Так что говорить будем в принципиально другой плоскости... А?

Кирилл тяжело смотрит на Кострова, но молчит. Тот, будто бы ничего не замечая, продолжает.

Костров. - Тебе не приходилось бывать в церквях на Ладогe? Георгиевской и Успенской? В обеих заложено точно такое же число П, как и в «Слове о полку Игореве». Если брать по периметру. Кажется, природа создавала прекрасное по одному лекалу. Я вот сейчас занимаюсь «Медным всадником». Так в нем, если брать его как целое, и затем разделить построчно на среднюю часть — получается 3.16. Почти П, представляешь! Так что сечения, это закономерная система...

Кирилл. - Костров! Я тебя сейчас по периметру... на сечения... Ты мне что сказал по телефону? Зайдешь поговорить о последних стихах. Иначе, честно тебе говорю, черта с два я с тобой встречаться стал бы.

Костров (поспешно отгораживаясь ладонью вытянутой руки). - Ладно. Ладно. Кто - то был бы против. Я - за. Мне тут наша кума литинститутовская перегнала твой последний цикл...

Кирилл. - Зойка, что ли?

Костров. - Ну да.

Кирилл. - погоди, ты, вроде, о своих, последних, хотел поговорить... Во всяком случае, я так тебя понял.

Костров. - Неправильно понял. Мои последние ты несколько лет назад читал. Я о твоём английском цикле. Что ж, можно тебя поздравить — прорвался...

Кирилл. - Прорвался?! Куда прорвался?

Костров. - А то ты не понимаешь. В наш круг прорвался. В круг избранных.

Кирилл. - У тебя точно наполеоновский комплекс. Ты уверен, что мне ваш круг не по барабану?

Костров. - А что, так бывает? По моему, нет.

Кирилл. - Ну, это если сечения твоими Пи измерять. А по моему, бывает. И я тому пример.

Костров. - Удивительно. Писать такие мощные стихи и быть таким пустым человеком!

Кирилл.- Слушай, Костров... Прорвался я один единственный раз - когда меня мама родила. Черт, запахло с тобой об этом разговаривать... Ну, ладно. Я тогда прорвался - родился поэтом. А ты им всю жизнь пытался стать. В этом наша, Костров, принципиальная разница. И потому никогда тебе в мой круг не прорваться. По факту рождения. Такие дела, Костров.

Костров. - Кира, да ты не обижайся на меня. Понимаешь, я все время соприкасаюсь с вечным. Поэтому со мной бывает трудно. Все суета сует, и всяческая суета. А стихи... Вот ты, например, знаешь, что Пастернак при переводе «Гамлета» скрыл от нас почти что главную сюжетную линию?

Кирилл угрюмо молчит.

Костров. - Не знаешь... А все дело в том, что Офелия была беременна. И знаешь от кого? Не знаешь... От Гамлета она понесла. Ну, это будет в моем переводе, еще считаешь.

Кирилл. - Так. Стоп. Развел ты меня. Молодец. Жуть, как обидно... Ведь уже начал было с тобой серьезно разговаривать. Нет, слышал, конечно, что вы неплохие актеры. Но ты - талант. Что называется, первый актер.

Костров. - Кто это - вы?

Кирилл. - Как кто? Шизофреники, вот кто. Серьезно с тобой психиатр должен разговаривать, а не я. Развел, развел, брат. Ну, и на старуху бывает проруха. Чувствую, пора и мне полечиться. Иначе тоже башка улетит. Все, Саш, я ухожу. Извини.

Они встают. Кирилл подает руку, Костров жмет ее, поворачивается, и, уже почти в дверях, останавливается.

Костров. - Кстати. Самое главное - то забыл сказать. Ты ведь на Премию рассчитываешь? Зря. Премия в этом году...точно не твоя. А тебе, по моим расчетам, в лучшем случае еще года четыре ждать придется. То же и с книжками будет. Поверь, Кир, я на этом деле собаку съел. Да и то - кому они сегодня нужны, твои стихи, кроме тебя самого да Ули. Утешайся, что ты не одинок в этой борьбе. Вот когда помрем, тогда другое дело будет. Все, все, я ушел.

Х Х Х

Кирилл и Дина сидят в ее комнате за небольшим столиком, на нем початая бутылка коньяка.

Кирилл. - Да где же эта чертова девка бродит, а?! Мне сейчас косячок - ну просто зарез...

Дина. - Так позвони, узнай, может, случилось что...

Кирилл. - Оба на мели. Ни у нее, ни у меня, ни копейки на мобилах.

Дина. - Ну, вы ребята даете. Пей тогда, коньяк не паленый, настоящий, армянский.

Кирилл. - Что бы я без тебя делал... Совсем меня, Динка, скрутило, этот чертов Костров доконал.

Дина. - Да ну. Пропускай мимо ушей, делов - то.

Кирилл. - Да я не про его бредовые проекты. Новость он на своем драном хвосте принес. Препоганейшую. Короче, не дают мне Премию. 25 штук зеленых уплыли в другой кошелек. А у нас с Улей только на них ставка и была. Больше рассчитывать не на что. Во всяком случае, пока.

Дина. - Слушай, это же его обычный треп, сказки...

Кирилл. - Да нет. В этих делах он как раз дока. Знает, что говорит. Все жюри его близкие друзья. Черт, прямо не знаю, что делать...

Дина. - Кира, дорогой, ну ты же себе знаешь цену. Своему таланту...

Кирилл. - Да только это на плаву и держит. Ладно, продолжим заниматься любимым делом. Создавать религию. Которая и сделает нас богатыми и знаменитыми. Хотя, видит Бог, я то хочу другого. Но... видимо, без этого не обойдется. Звенья одной цепи. Причинно - следственная связь. А, Дина? Или ты предпочитаешь другие связи?

Дина. - Грех вам, батюшка, на девицу напраслину наводить. Я, Кир, свободна, и это главное. Мною полностью осознанна необходимость, данная мне в ощущении. А брэнная жизнь где-то по фигу. Ну, по нашему, по гамбургскому, пофигу...

Кирилл.- Хорошо излагаешь...дуся. Да правильно, все мы немножко лошади. То есть проститутки...

Дина. - Блин, Кирилл, еще раз произнесешь это слово...

Кирилл. - И что...

Дина. - Без коньяка останешься. Сам же говоришь - камерная барышня...

Кирилл. - Ну нет. Только не это. Коньяк только - только помогать начал. Так что я затыкаюсь. Без всяких блинов.

Дина.- Мало ли паразитов в жизни бывает.

Кирилл. - Ну а с другой стороны, жизнь-то одна. Старайся, чтобы в ней поменьше их было, паразитов. Девица Дина. Камерная барышня...

Дина. - Немножко лошадь.

Кирилл. - Очень породистая лошадь. Чтоб ты знала. «Лишь жизни цельного духа дается истина и бытие». Это про тебя. Ведь неважно, какой дух, главное, что цельный.

Дина. - Змей. Наливай, коли так.

Кирилл. - Зверинец. Но змей не я, это Бердяев так представлял свободу. Хотя,

и это тоже херня.

Дина. - В смысле?

Кирилл. - В том смысле, что свобода - это вообще химера. Да где - же Енот -то?! Уже беспокоиться начинаю...

Раздается дверной звонок.

Кирилл. - Ну вот. Кто теперь скажет, что я не молодой бог!

Дина смотрит на часы.

Дина. - Увы, я. То есть бог, конечно, но уже не такой уж и молодой.

Кирилл. - Ох, мать, давай сейчас о грустном не будем.

Дина выходит из комнаты, и почти сразу возвращается с маленькой старушкой с седыми кудряшками.

Дина. - Вот, Кира, Евдокия Мироновна. Моя бабушка. Просто баба Дуся. Уж прости...Зашла внучку провести. Так, бабушка?

Баба Дуся. - Ай?

Дина. - Бросай придуриваться (обращаясь к Кириллу.) Слышит лучше нашего, между прочим. А лет ей, не поверишь, 86.

Баба Дуся (глядя в глаза Кириллу). - Хабэн зи айнэн фройнд? Их либе дих. Шнеллер, шнеллер. Хенде хох. Айн момент.

Баба Дуся уходит.

Кирилл (ошарашенно). - Дин, че это?

Дина (мрачно). - Да она в оккупации девчонкой партизанила, и в городском подполье была. Да и после... А, сейчас сам все увидишь. Короче, как выпьет, начинает чудить. Ты думаешь, че она сейчас ушла? Проверяется. Тысячу лет, как все кончилось, а она все проверяется. Это даже не привычка - инстинкт. Чекистка, бля.

Кирилл (растерянно). - Вот те раз. Дин, а бабуля-то скурлы, скурлы, хотя бы?

Дина (лукаво). - Ай?

Кирилл. - Ну, сказки на ночь сказывала? Ты еще должна помнить.

Дина (смеется). - Сам ты скурлы, скурлы. Хотя...(спрашивает у появившейся бабы Дуси.) Бабуля, ты сколько уже приняла?

Баба Дуся (нарочито томно). - Об чем разговор? Об выпить румочку водки? (продолжает уже нормальным тоном.) Да шкалик, шкалик, всего то. А ты, малый, не сиди, наливай ветеранам...

Дина. - Пошел спектакль...Сказки на ночь.

Кирилл. - Да ладно тебе. Давайте, баба Дуся, за знакомство.

Баба Дуся. - Продолжим это знакомство в подвалах Лубянки. Ну, за друзей - товарищей.

После рюмки баба Дуся сидит несколько секунд в прострации. Потом берет печенье, хрустит. Обращается к Кириллу.

Баба Дуся. - А ты чего пугаешься? Ай коней ночью воровал, а?

Кирилл (он поймал волну). - Воровал.

Баба Дуся. - А то все молодежь нынче ругают. В отряде бы благодарность вынесли. А там, глядишь, сходил пару раз в гарнизон, похулиганил, и на медаль бы представили. Только вот что я тебе скажу, милоч. Представлений этих на Большую землю хренову тучу послали, а медали только у командира да комиссара были. Да мы не в обиде. Если по правде, иногда и нам перепадало. Вот за пайку, да, за пайку я в 54 на государство обиделась. Ведь не война, а в моем первом лагере хлебушек белый на серый поменяли. Как нынче молодежь говорит, беспредел вышел. Ну и чо? Зэка запомнили. И через три года начальник лагеря на перо попал. Чего добился, спрашивается? За что боролся, на то и напоролся...Сучара позорный.

Дина. - Бабуля!

Баба Дуся. - Чего бабуля! Ты бабку - то не затыкай, бабка уже жизнь прожила. А тебе все это еще предстоит. Вот и гляди теперь... А ты милоч, наливай, ты нас не слушай. Молода она еще, Динка - то. Жалко ее.

Кирилл. - Да у нее, вроде, все в порядке...

Баба Дуся. - Ну, дай Бог, дай Бог. Сам - то иде трудисся?

Кирилл. - В каменоломнях. Руду добываю. Словесную.

Баба Дуся. - И хорошо платят?

Кирилл. - Раз на раз не приходится. А, в общем, не очень.

Баба Дуся (сладким голосом). - А ты, золотой, в хозяйственники иди. На Витим поезжай, на прииска. Там в накладе никогда не останешься. Где сопнешь, где излишки изымешь, где снег с крыши сбросишь - все копеечка... Милое дело. Только, конечно, шлихт и самородки на поверхность вытащить, это везение должно быть. По ихнему, значит, фарт. А при чем тут фарт? Мозги это Дусечкины, а не фарт...Да что... Баба Дуся зря не посоветует. Ну и по возрасту уже как-то неудобно ерунду метелить.

Дина (ворчит). - Вот именно.

Баба Дуся. - Динка! Никшни! Как со старшими разговариваешь! Мне еще герр оберст говорил - учил : старших, говорит, Дуся, у нас в фатерланде уважать с пеленок начинают. Потому и порядок в стране. А у тебя в комнате, говорит, черт ногу сломит. А я ему - вот, говорю, скоро и уберешься в свой фатерланд. Там свою фрау и учи. А у нас свой порядок. Мне, может, через этот порядок - беспорядок информацию легче добывать было.

Правда, не попал он домой. Васька, паршивец, горло ему перерезал, его же ножом для рукопашной, «Пумой», Рудик его все время с собой таскал. Вот этим.

Она достает из сумочки небольшой клинок в ножнах. Ошарашенный Кирилл рассматривает его. Дина улыбается.

Баба Дуся. - Остался от ребят...на добрую память. Я его с собой все время ношу. Так с тех пор и не расстаемся. Не скрою, помогал он мне иногда в непростых промежутках. Было дело. И ты, Динка, гримасы-то не строй. Это жизнь.

Дина. - Тогда уж, скорее, смерть.

Баба Дуся. - Оно конечно. Жизнь и смерть, война и мир. Звезду Героя Льву Толстому... Ну, были в «Верфольфе» люди, с которыми иначе не договоришься...Копия Васьки. А ты говоришь... У Василия, между прочим, своей-то финки так и не было. Все вечно у кого-нибудь где-то что-то отберет, с тем и воюет. Я ему всю плешь проела, что чужое когда-нибудь подведет... Как об стенку горох.

Не то, что оберст. Тот аккуратный был вояка. «Пуму» эту свою к отвороту воротника крепил, глупый. Мода в вермахте и у фронтовых СС была тогда такая. Аккурат для моего Васьки. Я уж ему как только не намекала, что, не место, дескать, ножу у самого горла. Ну что ты, разве умную женщину кто -нибудь послушает! Мы же, ****, всю Европу завоевали, теперь вот вас на коленки ставим. Эх, мущины... Ты то вот, рудокоп, не такой, гляжу.

Прислушиваешься. А и правильно. Может, и поживешь еще. Короче, вовремя я насчет этой «Пумы» тогда заткнулась...

А Васька был огромный нахал. Ну и че? Чего этот мавр кривоногий добился, спрашивается? Командир, за то, что без приказа источник отряда лишил, морду ему начистил. Я бросила. Дело прошлое, конечно, но он ведь Рудiku, как мужчина, в подметки не годился. Я сначала молчала, но ведь правду не скроешь! У того - то ого-го-го какой был. У оберста... А у Васьки...Вот не поверишь, любезный гражданин...

Она на секунду прерывается. Смотрит в упор сначала на Кирилла, потом на Дину.

...и уважаемая внучка, стручок и стручок. Ма - а - ленький такой пэ - эрчик.

Она показывает оттопыренный мизинец. Кирилл и Дина, что называется, катаются по полу. Дина спрашивает.

Дина. - Бабуль, ну, может, не такой уж и (передразнивает.) ма -а - ленький был этот пэ - эрчик?

Баба Дуся. - Ну конечно, не такой. Но все, уважаемая внученька, познается в сравнении. Кто сказал?

Дина. - Аристотель. И то, что ты сейчас говоришь - чистый релятивизм.

Баба Дуся. - Молодец. (Обращаясь к Кириллу.) Красный диплом у Динки будет. Не зря я воевала. Ты парню - то по человечески объясни...

Кирилл. - Да мне все ясно...

Баба Дуся (жестко). - Ниче. Пусть объяснит, я сказала.

Дина. - Ну, то, что не подходит тебе, может понравиться твоей подружке.

Баба Дуся (возмущенно). - Какие на хрен у меня могут быть подружки?! (Нормальным тоном.) Просто тогда из-за Рудика большой скандал был.

Начальство говорит - вот, рыжий, одни убытки от тебя...Василий у меня рыжий был. Мол, все дальнейшее внедрение Дуське чуть было не сорвал. Много они в отряде об этом понимали. Лично для меня к тому времени Рудик уже все , что мог, сделал. В темную, конечно. А за Ваську я заступилась, а как же. Так и так, мол, не со зла, в промежутках, в агонии роковой страсти... Нет, как народного мстителя я его сильно уважала, да. Сам, лично, начальника полиции повязал. Я полицаю-то записку от одной городской ****и подкинула, он по ней давно сох, ну и купился, урод. Лявву я перед этим подушкой придушила. Век прошел, а нет- нет, да приснится, как она ногами сучит. В общем, поехал пес на свиданку в предместье. Ну, а тут мой рыжий, пыжий, конопатый, убил бабушку лопатой... Правда, в отряд он его не довел, только до леса, а там сразу на кол посадил. Мужики, что с ним были, заранее лиственницу выстругали. Да... А так-то Васька...Ну, за что боролся, на то и напоролся... Давай, милоч, помянем моих мужиков. Хорошие были мужики, че и говорить...

Они выпили. Баба Дуся утерлась, довольная, и продолжила.

Баба Дуся. - А, с другой стороны, может, оно и к лучшему, что мой Васька моего Рудика порешил. А то я себе не представляю, как самой с объектом расставаться бы пришлось. Тут ведь как...

Читает древнеславянский текст наизусть.

Аз есмь по вся дни раб
я смиреннейший.
Не смерти скоро аз
желаю тебе.
Но лет премногих
яко самому себе.

Баба Дуся. - Яко самому себе... А ликвидировать все равно бы пришлось. А так - Васькин грех.

Кирилл (восторженно). - Полный привет! Динка, столько лет дружим, и ты ее скрывала!

Баба Дуся. - Вот, вот...

Дина. - Да ничего я не скрывала. Так получалось, просто, не пересекались вы. Ну, вот теперь наслаждайся.

Кирилл. - Баба Дуся, а давайте будем встречаться с вами. Вы как, не против?

Баба Дуся (мнется). - Да я это... Как-то не с руки внучке дорогу-то перебегать.

Кирилл и Дина хохочут.

Дина. - Бабуля, он твой. Дарю.

Баба Дуся. - Ну, если по общему согласию, тогда другое дело. Я не против. Коньячок- то еще имеется?

Кирилл. - Коньячок-то, наверное, имеется. А вот где моя Улька бродит...

Звонок в дверь. Дина идет открывать. Слышен голос Ули: «А Кирилл не у тебя»? Они заходят в комнату.

Кирилл. - Енот, ты смерти моей хочешь? Где тебя носило?!

Баба Дуся. - Так себе зверушка. Одной левой могу...

Уля. - Какая зверушка?

Баба Дуся. - Ай, не бери в голову, девушка. Это я так, в промежутках...

Уля растерянно глядит на них. Дина говорит.

Дина. - Это моя бабушка, баба Дуся. Она уже белым вином с утра подкрепилась, так что, ты и правда, не обращай на нее внимания.

Кирилл. - Уль, Дину пропусти мимо ушей. Баба Дуся большой мастер по снятию депрессухи. Ты только послушай, какие она тут кружева плетет.

Баба Дуся. - Што ти голову барышне морочишь. Ай подружка твоя?

Кирилл. - Ну да.

Баба Дуся. - Ну, мир вам да любовь. Снимаю свою кандидатуру. А что, сынок, еще по румочке, а?

Кирилл. - Да не вопрос. Вы только не останавливайтесь.

Баба Дуся. - Да не вопрос. Нас только смерть под гусеницей остановит.

Хлопнул шнапсу, провел моментальный контакт... Никакого гестапо не надо, сам по себе седеешь, бегом домой штаны менять. Хоть чуть-чуть, а обоссешься. А то - в Фултоне гавкнули, «Дайкири», двойной «Дайкири», наша свора отозвалась, такой лай в промежутках, густопсовый, до небес, на хер твой «Дайкири», наливай просто ром, наши контакты - святой Бонифаций унд готт мит унс, второй орден Ленина Льву Толстому...Смех, а не легенда. В смысле, кураж не тот. И никаких огневых контактов. Возьми те же тайниковые в Берлине. Сразу - то просто было. Это уж когда они потом эту долбаную стену построили. Нет, ну все равно, рыск, конечно... С утра американец на хвосте, после обеда - пара немчиков... Но я - то тоже не лыком шита. Зря что ли всю войну с ними проваландалась. Значит, ныряешь в зоосаде, в Тиргартене, выныриваешь в Шарлоттенбурге - и где они, эти хлопцы?! «Эх, ух, люблю двух, погляжу - одна лежу», служу Советскому, твою мать, Союзу. На Курфюрстендамм проверилась последний раз, потом уж задание Родины выполнила, и обратно в Тиргартен. Идешь себе, пот выветриваешь, а предложения так и сыпятся - за пять марок, за десять... Янки - дудль, ничего себе парнишки. Честные ребята. Чешет молодая немочка, юбка четко до колен, четвертый номер, все дела, белобрысая... Впроголодь сидела, чтобы сытой не казаться. Лечу, домой, домой, на кухню, к детям. Классика. Наши бы уже раза два в подворотню затащили...

Она вдруг замолкает. Пауза. Баба Дуся сидит, смотрит в пол. Задумалась.

Потом поднимает глаза, смотрит на них смущенно. Говорит, как бы очнувшись.

Нет, ну я, конечно, «найн», «найн»... Скрывать не буду, были настырные... (пауза.) Меня напарник, (вздыхает, с досадой.) зараза, страшует, а он по курсу за моей кормой так и норовит, куда не надо...Ну, тут как в той народной песне (неожиданно томно, низким голосом, мурлычет.) : «...отойдзи, отойдзи, один крест, на грудзи...»

Заразительно хохочет.

Ниче...Мужчину шрамы украшают. Это ладно. Но самой-то ведь тоже иногда хочется. И, мой ты хороший, если по честному, то даже больше, чем правительственных наград, хочется. Выкручивалась, конечно. И генералы мозельским угощали. И те, и другие, и третьи. А ты говоришь! Так иногда припрет, что каки там ордена... У меня-то, как зарядили, аж с сорок второго - Боевого Красного знамени, да Боевого Красного знамени. Три штуки их у меня. Хоть жопой ешь это Боевое Красное знамя. А «Эмку» так на родину и не перегнала. Все некогда, все некогда, все оперработа. Утром ноженьки-то гудут, и глаза в кучку не соберешь. Ну, за что боролась, на то и... Динка, коньяк - то есть, спрашиваю? Ну, или ром, на крайний случай...

Дина. - Бабуля, какой ром! Коньяк еще есть (смеется), но не шустовский. А чего это тебе шлея сегодня под хвост попала?

Баба Дуся (с вызовом). - Не шлея. Не шлея. Праздник сегодня.

Кирилл. - Какой?

Баба Дуся. - А сейчас расскажу.

Дина приносит коньяк. Он хранится у нее во встроенном в стену шкафу в кухне. Кирилл наливает всем. Выпивают.

Баба Дуся (сладким сказительным говором).- Тутто - то вот, значит, кака история было затеялась. Еще до начала времен, жил-был царь Ирод, сын Ирода. Сынка батьки стоил. Оба душегубами были. Никого не боялись, кроме Господа нашего, Иисуса. Вот того да, того до смерти. Хотя чего смерти бояться? Жизни бояться надо, в промежутках живем. Ну, это кто понимает. А, рудокоп? И жил тот Ирод с женой умершего брата своего. А пророк Иоанн ему из - за того покоя не давал, все сетовал ему: ты, дескать, Ирод, плохо живешь, не по закону. Ни по гражданскому, ни по юридическому. Да, вот так доставал он деспота, доставал, но тот в ответ ни гу-гу. Боялся пророка.

Раздается шум из прихожей. В комнату вваливается уже чуть разогретая спиртным вчерашняя компания. Они рассаживаются кто где.

Василий. - Второе утро хорошим коньяком встречаем. К чему бы это?

Баба Дуся (примерно так же, как вчера Кирилл). - А ну цыц все. Команда слушать и внимать!

Володя (тянется к бутылке). - Дин, что это за чудо такое?

Василиса (бьет Владимира по руке). - А тебе нельзя, у тебя сегодня важное дело, ты скоро помирать будешь. Евдокия Мироновна, вы не обращайтесь на

них внимания, они еще не проснулись.

Дина. - Вы, ребята, вот что... Вы или пейте и слушайте умные вещи, или идите похмеляться еще куда...

Баба Дуся. - Внучка! А что, грамотно себя ведешь... в промежутках...

Х Х Х

Кирилл встает, делает знак Уле, выходит. Уля выходит за ним на кухню. Стоят у широкого подоконника.

Кирилл. - Уль, все в порядке?

Уля. - Да в порядке - то оно в порядке, но Тимофей грозитя. Говорит, последний раз в долг даю.

Кирилл. - Ладно, разберемся. Мне еще за интервью с перебежчиком не заплатили. Вот из этих и отдадим ему, пусть подавится. Кстати, почем нынче опиум для народа?

Уля. - Да все по прежнему. Че на него - то сердиться? Он за что купил, за то продал...

Кирилл. - Эх, Уля... Поговорка есть: «простота хуже воровства». Получается, ты еще хуже барыги. На нем проб негде ставить, а ты его защищаешь. Ладно, Бог с ним. Уль, а ты вообще понимаешь, чего баба Дуся нам сейчас толкует?

Уля. - Сказку говорит. Знаю. От Матфея, «Усекновение главы». Ты уж совсем-то меня за дурочку неграмотную не держи.

Кирилл. - Да ну что ты, Енот. А бабуля и правда, из Библии чешет. И, сдается мне, не зря она именно этот праздник отмечает.

Он обнимает Улю. Та достает из сумочки кисет, они сворачивают две сигаретки, прикуривают.

В комнате ребята, потягивая коньяк, слушают бабу Дусю.

Баба Дуся. - И эта шалава, племяшка, за танцы свои, просит у Ирода главу Иоанна. Идол же, сквозь страх, но соглашается, на эти неприемлемые условия, исполняет кабальный договор...

Баба Дуся начинает вертеть головой, втягивает ноздри, нюхает воздух.

Баба Дуся. - Я сщас. Сидеть и ждать. Конец будет поучительный. Только в тусик, на минутку...

Дина встает.

Баба Дуся. - Ты сиди, внучка, сиди. Балабонь с друзьями.

Дина послушно садится. Баба Дуся выходит из комнаты, на кухне видит Улю и Кирилла. Подходит к ним, говорит.

Баба Дуся. - Зобнуть дай, Енот.

Говоря, она забирает у Ули сигаретку. Та недоуменно смотрит на Кирилла. Тот улыбается.

Баба Дуся. - Енот, ты иди к своим. Мы тут с твоим идадьго чуть поболтаем, а? Да не бойся, это все шутки были. В промежутках. Никто его у тебя не отнимет.

Уля. - Да кто вам сказал... Кир, че происходит-то?

Кирилл молча улыбается, гримасой показывает — иди, мол, и ничего не бойся. Все в порядке. Уля пожимает плечами и уходит.

Баба Дуся курит. Говорит нормальным тоном, без стилизаций.

Баба Дуся. - Сколько ж прошло... Лет пятнадцать, наверное. В Амстердаме один друг мне все время травку давал покурить, когда на контакт приезжала. Лет 60 ему было. Недавно похоронили на Востряковском. В Москве редко встречались. Служба не разрешала. Так я с тех пор травку и не пробовала. И вот, поди ж ты...

Кирилл. - А вы, баба Дуся, полковник или...

Баба Дуся. - Или. Генерала перед самой отставкой дали. Да что вы заладили: баба Дуся да баба Дуся! Зови попроще - Евдокия Мироновна. Между прочим, я-то тебя хорошо знаю. Динка все уши прожужжала, сама не заметила. Ну вот я и приехала посмотреть.

Кирилл. - И как впечатление?

Баба Дуся. - Впечатление? Гордец. Го - о - ордец страшный.

Кирилл. - И что мне теперь делать?

Баба Дуся. - А что тут сделаешь? Если сможешь, постарайся стать во главе угла. В смысле стада. Может, и получится. Хотя шансов мало. У таких, как ты, одиночек, редко получается. Ума много, опыта мало. Потом появится, а уже поздно, все... Все суета сует. Я вот на Динку наседаю, а что толку?! Ей кажется, она уже управляет процессом. А ведь он в любую минуту накрыть может. И охнуть не успеешь Тебя это тоже касается.

Кирилл. - Сразу почувствовал, что вы дурака валяете. Наверное, хорошей вербовщицей были.

Баба Дуся (повышенным тоном). - Хорошей! (Затем нормально.) Я не хорошая, я великая вербовщица! Ты вот много баб - генералов встречал? Ты хоть знаешь, какое у меня конспиративное имя было?!

Кирилл, улыбаясь, пожимает плечами. Она докурила, тушит окуроч в пепельнице.

Баба Дуся.- Ева. Фу ты, голова с непривычки кругом идет. Открой окошко, милый. И меня давай на подоконник (Кирилл подсаживает ее на подоконник.)Ух, дай подышу... Догналась, нечего сказать. А ведь возраст...

Кирилл. - Да какой возраст...

Баба Дуся. - Ты прав. Но вот докажи это организму! Ух, как я не люблю его за это. Ну, сегодня праздник, сегодня можно. Ребята должны довольны быть, не забываю я их.

Кирилл. - Василий тоже на небесах?

Баба Дуся. (печально, сникнув). - И Василий тоже.

Кирилл. - И немца поминаете?

Баба Дуся (так же печально). - А что немец? Такой же человек. Так же, как и Васька, одураченный. Так же, ни за синь пороха погибший. (С тоской.)

Господи, в какой бред верили, за что на плаху шли! И те, и другие. Друг друга резали, будто и не люди...псы бешеные. И я с ними заодно. В этой библейской истории много великих смыслов. Для меня, Кирилл, главным оказался - пройди скорбный путь и узри лицом к лицу истину, которой служишь. Прошла. Узрела. Неизвестно зачем. С тех пор провожу чистый эксперимент.

Кирилл. - Какой эксперимент?!

Баба Дуся. - Я, Кира, так сказать, сторонний наблюдатель. Живу из любопытства. Ну а как, конечно, интересно, чем все кончится. С другой стороны, тоже ведь опыт. Когда -нибудь пригодится людям.

Кирилл. - Да, по моему, никакой опыт людям не впрок. «Глас вопиющего в пустыне» - это ведь как раз про Иоанна-предтечу, отсечение чьей главы вы сегодня так мощно празднуете. А может, это и есть замысел Божий? Ведь если все время грамотно иметь в виду опыт, то можно когда-нибудь и цели достичь. Человек должен стремиться постигать Христа. Суть - не постигнуть, но постоянно постигать. Вечное движение. Бесконечность.

Баба Дуся. - Может быть. Сначала не ведаем, что творим. Потом каемся. Действительно, так было, так будет. Но вот ты, ведь будешь помнить этот разговор?

Кирилл. - Ну, я. Я другое дело.

Баба Дуся молча качает головой. Кирилл улыбается своей обаятельной улыбкой

Кирилл. - Понимаю. Но сами же, Евдокия Мироновна, сказали, что, дескать, ничего тут уже не поделаешь. Какой есть. Фатум. Михаил Юрьевич Лермонтов. «Белеет парус одинокий»... И не бойтесь - внучку вашу с собой не возьму. Динка, кстати, сама по себе личность...

Баба Дуся (озабоченно). - Черт она в юбке, а не личность. Но все ребята под контролем.

Кирилл. - Ну, теперь-то мне ясно. Ладно. Я вот чего - а как Василий-то погиб?

Баба Дуся (задумчиво и грустно). - Васька. Васька мой грех. Но знатный душегуб был. Мне уж под девяносто прет, а я все его вспоминаю. Мы же с ним с детства, из одного городка. Маленький такой городок был. Все друг друга знали. И Васька был первый парень на деревне. Бес рыжий, все за мной бегал, с малолетства, считай. И, конечно, никакого там пэрчика... Это все моя легенда.

Кирилл. - Легенда?

Баба Дуся. - Тихо! Молчи, рудокоп! Я сама себе в этом не признаюсь! Тошно больно. Но выхода не было. Уже по всему чувствовалось, да и знала я, скоро немцы начнут отступать. Рудика отпускать никак нельзя было. Риск большой, мало ли как в дальнейшем все повернется.

Пауза.

Баба Дуся. - Ладно. Не хотела я его отпускать...

Пауза.

Баба Дуся. - Был у меня цианид в порошке. И когда поняла, что дело дней... Да. А душа - то, не ровен час, разорвется. А вот это, как раз, мне не положено было...Если бы в Центре узнали о моих сомнениях - мучениях...Страшно подумать. В общем, притворилась больной, и ночью сходила в отряд. Хорошо, база недалеко была. Немцам-то уже все равно, они в отступ собирались...

Затемнение. Смена декораций. На вновь освещенной сцене землянка, хорошо обжитая, висят зеркало, умывальник. Часть землянки перегороджена шторой. Штора открывается, ее отдернула Дуся — актриса, играющая Дину. Она сидит, спустив ноги с широких нар. Василий лежит.

Василий. - Что с тобой? Вроде и не Дуся сейчас со мной...

Дуся (угрюмо). - С тобой... Без тебя... Чего выдумываешь...

Василий. - Ладно, Дусь. Не первый год вместе. Считай, муж и жена. Давай, рассказывай, подруга боевая, что это сейчас с тобой было.

Дуся. - Будто ты и правда не знаешь...

Василий. - Неужто из - за него? Дуська, ты совсем сдурела?

Дуся. - Да ну тебя. Отстань. Вечно какие-то дурацкие претензии. Оберст - объект, ты это не хуже меня знаешь.

Василий. - Объект. Что-то ты из-за этого объекта сама не своя...

Дуся (с вызовом). - Да! Сама не своя! И что теперь?! Убьешь меня, что ли? А, Васька?

Василий уткнулся в подушку. Молчит.

Дуся. - Ладно. Все пройдет зимой холодной. Пора мне. Пошла я, Вась.

Она одевается. Василий продолжает молчать. Лежит.

Василий (приподняв голову). - Он что, лучше меня? Ну, как мужик?

Дуся (отвечает ему и исчезает за дверью). - Да.

Затемнение. Вновь кухня, Кирилл и баба Дуся продолжают свой разговор.

Баба Дуся. - Да. Ждать мне недолго пришлось. На завтра он этой «Пумой» перерезал ему горло. Около пяти вечера. Перехватил сзади, справа, «Пума»

была в левой петлице, он ее выхватил и кончил Рудика, царство ему небесное. Ну, я так, примерно, все и рассчитывала, так все и представляла. Нет, ты не думай, рудокоп, это не мысли были... Промежутки, ощущения какие-то, полубред... Конкретно я об этом думать-то боялась. Больше я ни того, ни другого, уже никогда не видела. Ваську командир отряда на гауптвахту законопатил, Рудика второпях похоронили, а вскоре покатился вал... И я вместе с ним. С немцами... Самое счастливое время было, идальго. Кирилл. - В смысле?

Баба Дуся. - В смысле немцы с шестерками своими страдали, а я радовалась. Никогда больше ничего подобного не испытывала. Это, как говорит Динка, драйв: видеть, как мучается враг. Нет, немцы и правда не ссыкуны, нет. Но они убитыми катились назад. Просто чувствовали себя уже на том свете, и безо всякой надежды... Это ведь самое хреновое, рудокоп, без надежды... А я знай шестерок подзуживаю: дескать, никого из нас не расстреляют. Всех повесят. И даже Любку, машинистку из гестапо. До оргазма эту шваль доводила. Вот такая херня, Кира, была отрадой души. А в общем, самое время немцам было затянуть: «Вставай, страна огромная...» Кишка тонка оказалась.

Кирилл. - А что, по большому счету, это что-то меняет?

Баба Дуся. - С точки зрения космоса... С точки зрения вечных звезд, нет. Но мы же, Кира, люди, а не звезды.

Кирилл (опять «включает» свою неотразимую улыбку). - Обобщаете, Евдокия Мироновна...

Баба Дуся (в тон Кириллу). - Ах, да. Забыла, с кем имею дело...

Кирилл. - Ничего, ничего. Так что же все таки с Васей случилось?

Баба Дуся. - В 54 вызвали меня из командировки в контору на совещание. Я, конечно, догадывалась, что это за совещание, че там догадываться-то было, недавно Кобуловых помели, ну и шерстили всех, кто так или иначе... Короче, идальго, через три месяца я уже была в лагере на Артеме. На золотых приисках. А еще через два месяца уже трудилась нормировщицей на 46. Знаешь 46?

Кирилл. - Нет.

Баба Дуся. - Конечно, откуда тебе эту шахту знать. Нет, хорошо я догналась. От души. Зэка ко мне с предложением: у тебя, Дуся, изощренный ум, дескать, а мы вот никак песок из шахты не можем на поверхность наладить. Помоги, в долю возьмем. Я говорю, мне в забой самой спуститься надо, а так что же, я же такая же смертная. Хотя людям помочь всегда рада. Они устроили. Полазила я, полазила... Потом через «хомут» прошла, лампа не горит, значит нет металла. А так они шлихт даже в задницу тырили, загоралась лампочка-то. Ну и подсказала. Меняйте, говорю, но не способ, а систему. Это как, спрашивают. Ну, мол, золото надо из шахты не самым в жопе или во рту выносить, а в том, или в чем, что не досматривают вообще. Да нет такого, вроде. Ну как же, нет. Только ума и хватает, чтобы самородки в пуп на живую зашивать. А столбы крепежные в штольнях, когда внутри сгниют? Ну, говорят, Дуся, светлая голова. Заслужила долю. Катанки белые подарили. Но тут же

кто-то скрысятничал, меня уже в «шизо» наладили было, да служба выручила. Хотя тоже, как служба. Сама же я это все и устроила, когда поняла, что впереди у меня за судьба. Еще в командировке организовала в проекте, без которого родина имела бы бледный вид, один вербовочный подход, который только на меня был рассчитан. И больше ни на кого. Когда начальство расчихало это, стали думать, что и как. А что тут думать?! Думай, не думай, а если Дуську из лагеря не вытащишь, так и сам там оказаться можешь. Вот такой расклад, друзья (Баба Дуся произносит намеренно манерно, без мягкого знака, с протяжкой, прононсом : «дру-зя». Дальше речь опять нормальная.) Меня из «шизо» сам кум на на лошадке в санях до «мараказа» довез. Это местный поезд до Бодайбо. Через полгода, как дела наладились, дорвалась я до своего дела, товарищи из следствия помогли. Рыск, говорят, но Дусина красота того стоит. А мне очень интересно было, кто что на следствии этом говорил. И тут меня как кипятком ошпарило. Они, оказывается, меня с 42 года разработали. Ну и притянули рыжего за уши. Вассал моего вассала - мой вассал. Он тоже после войны в органах работал, наружкой занимался, топтун, короче. Когда узнал, что под меня роют, замолчал вчистую. Так в протоколах следователь и писал: «за время допроса контакта не было». А уж что только к нему не применяли. Как говорится, и сном, и духом, и сапогом. Бесполезно. В психиатрии ступор называется. И сидит теперь Василий в Красноярском крае свою десятку. Ну нет, думаю, это если и вассал, то это только мой вассал. Больше ничей. Всех на уши поставила, включая одного бо- о-льшого партийного товарища, который, вопреки уставу, то есть, моральному кодексу, но по замыслу творца, мужчиной был, и Ваське для начала разрешили вроде как на поселение отбыть. В Смоленскую губернию. Я в отпуск и к нему.

Затемнение. Загорается свет, декорация кабинета начальника колонии. Невысокий кряжистый полковник, рот весь в золотых зубах. Напротив сидит молодая баба Дуся — Дина.

Полковник. - Вот такая печальная история, Евдокия Мироновна. Да кто ж знал, что это за Василий.

Баба Дуся. - Когда?

Полковник. - Неделю назад, Евдокия Мироновна.

Баба Дуся. - Геннадий, еще раз, поподробней.

Полковник. - Хорошо, докладываю. Василий у нас по 58 отбывал. И по той же статье сидят латышские эсесовцы, сплошная проблема, а не эсесовцы. Нет, они то тихо - спокойно себя ведут, да вот наши никак с ними не уживаются. Надо, конечно, их расселить. А как? Статья-то одна! Я уже не один рапорт написал по этому поводу, в том числе и Ивану Григорьевичу. Вы бы, со своей стороны, напомнили бы ему об этом бардаке, Евдокия Мироновна.

Баба Дуся (жестко). - Давай по делу, полковник.

Полковник. - По делу. Видимо, Васька первый залупился. Сами они на рожон не лезут никогда. Короче, пообещал Карлу, старшему ихнему, глаза повыбивать. На зоне к таким заявлениям серьезно относятся. И они ночью ему

голову отрезали.

Баба Дуся (подавленно). - Хоронили как?

Полковник. - Да вот так и похоронили... без башки. Черт его знает, куда они ее дели. Не сознаются. Уже три шкуры содрал, и хоть бы хны. «Какая колова, о чем вы коворите», и все!

Баба Дуся. - Веди сюда этого Карла.

Полковник. - Он в изоляторе, да и не положено. Бросьте вы это дело, Евдокия Мироновна.

Баба Дуся (орет). - Я тебе, ****ь, дам, «не положено»! Через неделю сам за пайку будешь парашу таскать. Тащи эсесмана, и иди гуляй, пока я с ним говорить буду.

Полковник. - Слушаюсь!

Конвойный заводит в кабинет Карла, моложавого мужчину лет 35. Выходит в коридор.

Баба Дуся. - Садись. Где голова Василия?

Карл. - А. Так вот, в чем тело. Нет коловы, фрау.

Баба Дуся. - У тебя две минуты.

Она смотрит на часы. Он молчит.

Баба Дуся. - Так. Две минуты прошли. Последний раз спрашиваю. Где голова?

Карл. - Колова, колова, колова тва уха... Нет коловы. На холотец колова пошла...

Баба Дуся кричит как-то по звериному, выхватывает из своей сумочки «Пуму» и бросается на Карла. Они падают, из-за стола не видно, что происходит, слышен только ее рев. Вбегает конвойный, кидается к ним. Кричит.

Солдат. - Васильев! Васильев! Подмогай! Она ему башку отрезала!

Затемнение. На освещенной сцене Кирилл и баба Дуся.

Кирилл. - И чем все кончилось?

Баба Дуся. - А чем это все могло кончиться? Сактировал его Геннадий, шестерка разноцветная - дескать, сам сдох. Тем и кончилось. Слушай, Кир, сними ты меня с этого подоконника. Я уже на нем все, что можно, отсидела.

Кирилл снимает ее, ставит на пол. Баба Дуся ему по грудь. Ее качнуло, и она на миг припадает к нему. На кухню заходит Дина.

Дина. - Ну, это уже неприлично, так уединяться...(Удивленно.) Бабуля, ты что делаешь!

Кирилл. - Погоди, Дин. По моему, ей поплохело.

Баба Дуся. - Есть момент. В промежутках...

Дина. - Сейчас, бабулечка... Сейчас Сергею Ароновичу в госпиталь позвоню...

Она достает мобильный. Баба Дуся подходит к ней, кладет руку на телефон.

Баба Дуся. - Динка, ты меня знаешь... Сегодня никаких врачей, никаких госпиталей. Коньяк еще есть?

Дина. - Ладно. Поняла. Пошли. Если даже эти оглоеды все выпили, у меня практически резиновый НЗ имеется. Для родных и близких.

Баба Дуся (обращается к Кириллу). - Видишь, какую девку вырастила! А ты говоришь...

Они возвращаются в комнату с компанией. Ребята спорят, лениво, нехотя.

Сеня. - Ты, Вовка, идешь в магазин. Ты. Потому что больше некому...

Володя. - Как это? Полная комната народу, и некому?! Почему я?

Сеня. - Да потому что у тебя на лбу написано - драю палубу и бегаю народу за водкой! Давай, собирайся, без разговоров...

Дина. - Угломонитесь. Никто никуда не идет. У меня бабушка в гостях, моя простав.

Уходит за коньяком.

Сеня. - Повезло салаге. Ух, как Петрович таких, как ты, не любил.

Баба Дуся. - Петрович?

Василиса. - Это сеничкин кумир. Писатель сибирский, царство ему небесное...

Сеня. - Да. С тех пор, как Петрович ушел, считай, никого не осталось...

Кирилл. - Врешь, солдатик. Остались еще люди.

Сеня. - Какой солдатик! Ты че, Кирилл! Я три года на торпедном катере по Балтике гонял.

Кирилл. - Ну, это, конечно, все меняет. Ладно. Вот Евдокия Мироновна притчу рассказывала...

Баба Дуся. - Ай?! Притчу? Да я уж подзабыла. (Задумчиво.) Я вам, хорошие люди, лучше что-нибудь о жизни, о том, как простые русские люди...

Осекается. Продолжает.

Баба Дуся. - Нда. (Деловито.) Ну так вот, коллеги. (Опять меняет тональность.) Тьфу ты, господи, где эта Динка с допингом. Зарапортовалась старушка.

Входит Дина. Разливают коньяк, выпивают. Баба Дуся опять какое-то мгновение сидит в прострации. Наконец, хрустит печеньем. Заметно приходит в себя. Говорит.

Баба Дуся. - У нас городок был, что твоя деревня. Ну и все праздники, значит, вместе, из дома в дом, из двора в двор. А ухажер мой, Васька, рыжий такой балбес был, получил аккурат перед праздником от меня форменный отворот поворот. Да-а... Он этих отворотов каждую неделю получал, а все никак

привыкнуть не мог. Кирилл, голубчик, поухаживай за старым человеком. Да на хрена мне этот торт, ты румочку бабуле налей. Вот.

Все выпивают. Баба Дуся полностью пришла в себя.

Баба Дуся. - Так о чем мы? А, ну да, рыжий. Рыжий в тот раз надрался с горя. Тоже мне, горе. Ну и пошел в пляс. Народу много плясало, и он туда же. А пили - то бражку в основном, а сколько ее надо выпить, чтобы в такое состояние прийти?! Короче, приспичило Ваське среди этой падеспани, он в кусты, сделал дело, а ширинку забыл застегнуть. Выскочил, бес, и давай дальше плясать. А голубь-то у него из ширинки выскользнул, здоровенный... Дина. - Пстой, бабуля. Это же тот Васька, с которым ты потом вместе воевала?! Ты же говорила, что у него вот такой (Дина показывает мизинец.) пэ - э - рчик...

Баба Дуся (с досадой). - Вечно ты, Динка, в бабушкин рассказ встрянешь... То ж уже в отряде было. Война-то какая! Ну и съежился от гнева... А плясал он на заре туманной юности. И голубь, почитай до колена, мотался : туда-сюда... Сеня (весело) и Василиса (восторженно), встречаются одновременно. - Как перегонный куб...

Все вдруг замолкают. Секундная настороженная пауза. Потом Кирилл наливает себе в стакан коньяк, выпивает, помолчав, говорит.

Кирилл.- Все правильно. За что боролся, на то и напоролся.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Квартира Кирилла и Ули, «двушка» в «хрущевке». Обстановка почти спартанская, облезлый диван, на котором сейчас лежит Кирилл, стол, на нем ноутбук и музыкальный центр. В углу небольшая плазма. Три стула. Слышен шум воды из ванны

Кирилл (не открывая глаз). - Енот.

Ему никто не отвечает.

Кирилл. - Твою мать... Енот, ты жив? Отзовись. А то я сейчас умру...

Из ванны выходит в полотенце голая Уля. Она не обращает внимания на Кирилла. Тот тоже молчит. Потом она не выдерживает.

Уля. - Блин, Кирилл, мне это уже вот где! Еще ни разу мы из гостей не вернулись домой без приключений!

Кирилл. - Уля, я тебя официально предупреждаю. Еще раз произнесешь «блин», станешь в угол. На два часа.

Уля. - Ментор хренов. Ты открой глаза, посмотри на себя в зеркало. И еще проверь языком зубы.

Кирилл. - Это от меня никуда не денется. А насчет «блин», это я серьезно. Лучше уж ****ь. Как-то естественней и ближе. Хотя тоже... Ладно. Ложись. Рассказывай.

Уля бросает полотенце на стул, ныряет под плед к Кириллу. Прижимается к нему. Проводит ладонью по лицу.

Уля. - Ничего себе фингальчик. Шибко больно?

Кирилл. - Так. Коротко, и без прикрас. А то знаю я твою неудержимую фантазию. Куда полезла?! Енот, расскажи сначала... Нет, ну... Хорошо, хорошо...

Затемнение. Сцена вновь освещается. Они лежат, Уля начинает рассказывать.

Уля. - Нет, честное слово, Кир, ты пьяный какой-то экстремист.

Кирилл. - Короче, Склифософский. Мы же договорились - лапидарно.

Уля. - Нет, у ребят-то еще все нормально было. Ты, правда, после того, как старушка ушла, загрустил как-то. А потом домой засобирался. Я, думаю, слава Богу, пока еще более или менее нормальный, надо ехать. А развезло уже в машине. Поймали частника, два молодых парня на «Жигулях», русские, между прочим, не гастарбайтеры. Уж не помню, с чего началось, но потом второй повернулся к тебе и говорит: « Да, не «Мерседес». Но и ты тоже не принц Уэльский». Ну и тут...

Кирилл (усмехается). - Ахиллесова пята. Случайно в десятку попал.

Уля. - Да. Остапа понесло. Ох, как ты орал...

Кирилл. - Енот. Сухой остаток...

Уля. - Хорошо. Ты вдруг поднял свой рюкзак, и говоришь: « Видишь?! Знаешь, быдло, что я его в Лондоне за сто фунтов купил!». Уж не знаю, что на него больше подействовало, быдло или цена, кажется, и то, и другое. Ну вот, вырвал он у тебя рюкзак, буцнул по зубам, потом еще раз, но тут я заорала, как бешеная, они остановились, шофер тебя выкинул, я, слава Богу, сама вышла, а до дому - то метров двести, вот что обидно. Хотя, как сказать. Может, наоборот повезло.

Кирилл. - Буцнул. Ты давно с Привоза вернулась, а?

Уля. - С какого Привоза?

Кирилл. - Ладно, проехали. Так они, что, рюкзак увели?

Уля. - А то...

Кирилл. - Едрить - колотить. Улька, посмотри в куртке, блокнотик мой на месте?

Уля. - Да на месте. Я его еще вчера вытащила, сразу, как пришли.

Кирилл. - Фу ты... Спасибо, Боженька, опять ты обо мне позаботился. Да, контакты с местным населением до добра не доведут, это уж точно. Так сказать, отрезвляющий реализм.

Уля. - Слушай, а я и не знала, что твой рюкзачок такой дорогой.

Кирилл. - Да как сказать. Вообще-то я его в Сохо на барахолке за десять

фунтов купил. Но потом видел в одном достойном магазине точно такой же, действительно за сто фунтов.

Уля (с иронией). - Какая у тебя там наполненная была жизнь. В Лондоне.

Достойные магазины, с самим Бродским познакомился, старик Державин нас заметил, опять же, невеста из семьи сэра...

Кирилл. - Енот. Я вот проверил языком, зуба - то точно нет. Ты что, хочешь, чтобы с тобой что-то такое же приключилось?

Уля. - Фу, какой ты грубый и не тонкий. Мне Динка с собой коньяка сунула, так вот, фиг я тебе скажу, где он...

Кирилл. - Да. И еще сигаретку не скручу. Мне конец!

Уля. - Пользуешься безответной любовью...

Кирилл. - Не пори ерунды. Взаимной.

Уля. - Все равно, она у нас какая-то... неравноценная.

Кирилл (взрывается). - ****ь, Енот, уморить меня хочешь! Кто из нас вчера перегрузил, ты или я! Займись делом, помоги ближнему.

Уля (скручивает сигарету). - Как самому себе! Да кручу уже, кручу. Слушай, Кир, мне тут Василиса такую лав стори рассказала! Умереть можно.

Кирилл (с иронией). - Ну, если Василиса... Улька, давай быстрее, голова сейчас лопнет и сердце выскочит. Правда, что-то совсем хреново. Печенка с сердцем не принимают темпа.

Уля (прикуривает, отдает сигаретку Кириллу). - Сщас полегчает. Ну, так ты слушай. Василиса недавно в сети на блог царевны Ани наткнулась. И она там рассказывает, как Александр, нынешний ее муж, ее покорила.

Кирилл (ему лучше, размяченно). - Что -нибудь душераздирающее...

Уля. - Ну, это как посмотреть. Они уже несколько лет были знакомы, и вот, в один прекрасный день, он подошел к ней, она на стуле сидела, нагнулся, и крепко поцеловал ее - ни с того, ни с сего... То есть была какая-то до этого, видимо, симпатия, но неуловимая, скрытая. И она пишет, что все у нее в глазах померкло, а, самое главное, мужика ощутила. Первый раз в жизни. А ведь он уже у нее третий официальный...

Кирилл. - Ну я же сказал...душераздирающее.

Уля. - Нет, Кир, в этом что-то есть... Вот и Василий почувствовал, будет картину писать. Да и я...(замолкает.)

Кирилл. - Так. Скоро я от тебя поседею. Стих пишешь?

Уля (с вызовом). - Да, пишу. Хоть какой-то отрыв от контекста глупой жизни.

Кирилл (спокойно). - Ну и как? Идет?

Уля. - Да в том-то и дело, что застрял. Третий день кручусь, верчусь, маюсь, и все не то. Не идет.

Кирилл. - Ужас, ужас, суматоха. Енот, как он может идти, если ты не знаешь всего. Всей истории.

Уля (утрирует речь). - Так, я не поняла...

Кирилл. - Ты, милая, не непоняла, а просто не в курсе.

Уля. - Так просвети.

Кирилл (выделяет «такие» и «так») - Такие сведения за так просто?!

Уля. - Нет, Кир, давай коньяк до обеда не трогать.

Кирилл. - Ну, в обед и расскажу.

Уля. - Ладно. Твоя взяла. По сто и ты рассказываешь. Остальное в обед.

Кирилл. - Ты иногда меня просто поражаешь. Ведешь себя точно так же, как они. Хочешь, чтобы я поскорее там оказался, да!

Уля. – Так. Приехали. Сдурел мужик. Никакие я не они. И ты это прекрасно знаешь.

Кирилл (бурчит). - Так вот об этом и писать надо. Ладно, тащи амброзию.

Уля приносит из кухни бутылку коньяка. Они выпивают, и Кирилл, точь в точь, как вчера баба Дуся, посидев чуть-чуть в прострации, говорит.

Кирилл. - Тут все дело в этом поцелуе. Да ты что, правда ничего об этом не слышала? Лет двадцать назад об этом вся пресса голосила. Синдром «поцелуй Александра», это уже медики термин явлению придумали. А это действительно было паранормальное явление. Короче, Александр о нем сначала и не подозревал. То есть он видел, что с людьми что-то происходит, после поцелуя с ним, но все, вроде, как и должно быть - целуешься - то по большей части с теми, с кем у тебя, как минимум, хорошие отношения. А после его поцелуя эти отношения переходили в какое-то другое качество. Ну, начинал, поцелованный, ему вроде как подчиняться, что ли... Мог он таким руководить запросто. Прозрение пришло внезапно, об этом царевна и пишет. Он с одним олигархом по пьяни облобызался, причем, по инициативе самого жулика, Александр пьяным никогда не бывает, и стал тот по жизни ему шестерить. Даже трезвый. Это засекла всемогущая охрана Царя, доложила шефу, что, мол, стелется аферист перед Александром после того поцелуя, а ведь в жизни никого не привечал. Царь сразу догадался, Александр у него уже в помощниках ходил, не в первых, но все же. И стал как-то к нему приглядываться осторожно. Поехали как-то за город, вдвоем, шашлычок, то, се. Шофер костерчик сварганил, они его на часок - другой отпустили. Ну и в душевной беседе Царь спросил его о чудо-поцелуе. Тут Александр встал, а Царь, в отличие от дочки, почувствовал дикий ужас. Он начал умолять Александра не целовать его, кричал, чтобы пожалел старика, что и так ему все отдаст, что Россия не простит, и что ему, Царю, седина в голову, а в руки проблемная страна... Но Александр, якобы, ответил, что проблем-то как раз теперь станет меньше, и облобызал Царя по полной программе. Тот вырвался, орал еще что-то, потом убежал от него, в речку упал, его оттуда кое-как выловили... И с тех пор стал Александр первым его помощником - до самой его смерти. Хотя Царь за это время всю свою колоду не один раз перетусовал. Что смотришь, как рысь дикая? Научно доказанный факт, Енот. Уля (грустно). - Ведь не хотела тебе говорить, чувствовала что-то такое... Напридумывал. А все равно - какой теперь может быть стих.

Кирилл. - А если не напридумывал?

Уля (настороженно). - Да? Ну тебя, Кира. Ладно, позвоню Васям.

Кирилл (удивленно). - Васям? Зачем? Это ж выдумки, по твоему.

Уля. - А вдруг нет. Расскажу, а дальше пусть сами думают, ваять или не ваять.

Кирилл. - Охо-хо-хо-хо, Енотик ты мой дорогой. Хорошо. Вот не знаю, как Василисе, а Ваське-то точно вся эта история по барабану. В любой версии. Он уже шелест слышит, и его теперь от полотна «Поцелуй» только околоточный оторвать сможет.

Уля.- Околоточный?

Кирилл (машет рукой). - А! Ну, мент...

Уля. - Поняла. Нет, Кир, все же так с друзьями нельзя.

Кирилл (вздыхает). - С друзьями нельзя. Только где ты друзей видишь?!

Уля. - Я - вижу.

Кирилл (устало и безразлично). - Да звони, мне то что.

Уля смотрит на него с тревогой. Потом садится перед ним на корточки, кладет голову ему на колени, говорит.

Уля. - Ну прости. Бес попутал. Не буду никуда звонить. И стих писать не буду. Во всем прав, признаю. Только не грусти.

Кирилл. - Да ладно, Енот, проехали. Забыли.

Уля радостно вскакивает. Кирилл наливает коньяк, выпивает. Говорит.

Кирилл. - Давай помолчим.

Уля. - Конечно. Я - за!

Уля уходит на кухню, гремит кастрюлями. Кричит.

Уля. - Борщ сообразить? Все есть, даже свекла. Кроме мяса.

Кирилл. - Давай. Даже хорошо, что без мяса. Что-то я о нем даже думать сейчас не могу.

Уля. - И все же, этот Александр, он просто какой-то злой рок царской семьи получается.

Кирилл.- Ну почему злой? Царевна, похоже, счастлива с ним. Так что, получается, добрый. Но рок, тут я согласен. Вообще, на каждую царскую семью есть свой рок. Все, Улька, я поработаю, почитаю. Договорились же - молчим. Тихий час.

Кирилл ложится, берет Библию, начинает читать. Откладывает книгу. Встает. Начинает ходить по комнате и бормотать.

Кирилл.- Вот так вот шутки постепенно и превращаются в миф. Лет через двадцать они так и будут о нем думать - Царь. Ну да, царь. Какова паства, таков и пастырь. Все давно известно. Так-то, многоуважаемый милостливый государь, Александр Сергеевич. Вот такие нынче цари у нас. Мотыгу бросил, стакан засадил, и пошел царствовать. И эта туда же : царская дочка, поцелуй... Тьфу ты, прости Господи. А вы, Александр Сергеевич, говорите : « Ты царь. Живи один». Пытаюсь. Так, стоп. Где блокнот?

Кирилл берет блокнот, и, не отрываясь, пишет стихотворение. Потом читает

его вслух.

Ты царь. Живи один.

Словарь, где слово от словца
другим отделено,
но одиночество творца
сливается в одно...

Творец наш страшно одинок,
о нем подумай, царь,
когда вотще звенит звонок
и не подходит тварь.

Кирилл, явно довольный, садится на диван. Он слышит всхлипывания Ули.
Кричит.

Кирилл. - Енот, что случилось? Откуда горе и слеза? Иди сюда.

Уля заходит в комнату. Вытирает слезы.

Кирилл. - Ну? Что за проблемы? Борщ сбежал, что ли?

Уля. - Да какой борщ! Просто я понимаю, что никогда так не напишу.

Кирилл (небольшая пауза). - Конечно, не напишешь. Но ты успокойся - никто так не напишет, не только ты. А я что, вслух читал?

Уля. - Да. Что, не заметил? Стих-то гениальный. А что это за слово - вотще?

Кирилл. - Напрасно. Напрасно звенит звонок. Вот такой печальный вывод,
Енот.

Уля. - Что, не нужны мы им. Тварям божьим, да?

Кирилл смотрит на Улю молча. Та опускает глаза.

Уля. - Ну, конечно, не мы. Ты, конечно.

Кирилл (вдруг неожиданно весело). - Что, Енот, ежишься? Как Евдокия Мироновна говорит: «Ай коней ночью воровала»? Да конечно, я им на фиг не нужен. Ладно, еще посопим, поборемся, авось, да и оседлаем процесс. Ну что, по румочке? Стих и правда получился, чувствую.

Уля. - Че это ты так на старушку запал?!

Кирилл. - Потому что на самом деле это не старушка.

Уля. - А кто же?

Кирилл. - Ну ты только что точно определила, кто она. Она - запал.

Уля. - А ты кто?

Кирилл. - А я - самопал.

Звонит городской телефон. Уля берет трубку.

Уля. - Да, Сеня. Мы дома. Оттягиваемся помаленьку.

Прикрывает трубку ладонью и говорит Кириллу.

Уля. - Зайти хочет.

Кирилл безучастно пожимает плечами.

Уля. - Ну, заходи, конечно. У нас сейчас борщ готов будет.

Сеня садится на стул, улыбается. Кирилл угрюмо молчит. Уля на кухне.

Сеня. - Ну, как вы тут? Ого, фингал-то какой качественный. Тебя что, вчера еще маляры били?!

Кирилл молчит. Смотрит на Сеню выжидающе. Тот начинает нервничать, ерзать на стуле.

Сеня. - Я чего зашел-то. Хочу тебе свои «затеси» прочитать. Зацени, Кир...

Кирилл. - Меня и так тошнит. Теперь ты, со своим «зацени». Ты что, Сеня, специально, что ли?

Сеня. - Да нет, конечно. Не специально. Ну, не хочешь, не буду читать. Может, у тебя легкое сотрясение? Эх, жалко, Петровича уже нет на этом свете.

Кирилл. - Так, Сеня, ты че пришел, на самом деле? Нервы мотать?

Сеня. - Ренат звонил недавно. Приглашает на шашлык. Они уже мангал раскочегарили. Велел тебя с собой взять.

Кирилл (бурчит). - Что я вам, вещь, что ли. Взять... Ладно. Поехали.

Шашлычок, пожалуй, уже в масть. Улька, едем к Ренату в гости.

Сеня. - А насчет Петровича ты зря. Петрович всю войну на передке провел.

Кирилл. - Да у него и после войны все время передок был. Сакральное для Петровича место - передок. Ну и молодец. Мы то тут причем?

Сеня. - Кто это - мы?

Кирилл. - Я и настоящая литература. И чего ты все лезешь с этим Петровичем? Ну он герой. Ну он стоик. Титан. И не только он. Вон, Гриша, был, пиит, царство ему небесное...Десантник Уголек. Тьфу ты, Огонек. Они с Петровичем «два берега, у одной реки». Никем, кстати, не прокляты, да и не забыты. Таких захочешь - не забудешь.

Сеня. - Набью я тебе когданибудь морду, Кирилл. Напьюсь и набью. Где -нибудь в лифте, без свидетелей.

Кирилл. - Помечтай, помечтай. Во-первых, не набьешь. А, во-вторых, даже если набьешь, думаешь, что-то изменится? Во мне и в литературе? Впрочем, разве ты когданибудь думаешь!

Сеня (улыбаясь еще лучезарней, если это возможно). - Бесполезно. Сейчас я тебя пальцем не трону. Без меня уже кто-то позаботился, какой-то добрый человек. Поехали уже.

Кирилл (ворчит). - Поехали. Литератор! Публицист ленинской школы. Хрен ты, Сеня, с горы! Обыкновенный хрен с горы. Затеси! Представляю себе... Я, Сеня, в такие чудеса не верю. Так что, милый ты мой, это, скорее всего, не

затеси. Это, я думаю, пролежни. Бога бояться надо, господин письменник...

Сеня (уже не улыбается). - Я вспомнил этот фингал.

Кирилл. - Однако, если ехать, то поехали.

Сеня (скрытая угроза). - Конечно. А то, неровен час, кончишься. Тут нужна реабилитация всего организма. А если мы еще минут пять так побазарим, то и она уже не поможет. (Нормальным тоном.) Так я вспомнил этот фингал... У тебя после рок-кафе точно такой же был, помнишь? Ну, Ренату потеха сейчас будет.

Кирилл. - Еще раз рот откроешь, и мы с места не сдвинемся.

Сеня. - Молчу.

Кирилл. - Енот, ты долго еще?

В комнату заходит Уля с мобильным в руках.

Уля. - Кир, благодетель-то... Опять на счет 500 рублей сбросил. Кто такой?

Кирилл. - Ну - ка, а у меня... Тоже 500. И я даже догадываюсь, что это за благодетель. Или благодетельница.

Уля. - Динка что ли?

Кирилл. - Догадлива ты не по годам.

Сеня. - Елы - моталы, и как вы так живете?

Кирилл. - Хорошо живем. Даже в свет выходим.

Сеня (хохочет). - Ну да. Известно как. В рок-кафе музыку слушать.

Х Х Х

Затемнение. Свет. Декорация небольшого рок-кафе. На сцене ведущий объявляет очередную группу - «Али-Бабу». Недалеко сидят Кирилл с Ренатом. Ренат мужчина крепкого сложения, среднего роста, уже немного пробивается седина. Они тихо-мирно выпивают виски, что-то едят, переговариваются.

Ренат. - С вами, с гениями, никакой нормальной жизни. Вот Димку возьми. Еще недавно на тренировках ему сопلي вытирал, а две недели назад Европу выиграл, и уже все не так в этой жизни. Все. И график ему не подходит, и то не так, и это не эдак...

Кирилл. - Все правильно. Характер пошел. Он у тебя еще не только Европу выиграет, помяни мое слово. А что тебе не нравится? Одно без другого не бывает. Зато тысяче других график всегда подходит, а бои в ноль или в минус.

Ренат. - Да я понимаю. Это я так, в жилетку поплакаться...

Кирилл. - Расскажи кому, не поверят. Авторитет самбо в жилетку плачется.

Ренат. - Так ведь тоже авторитету. Так что, не запаadlo.

Кирилл (смеется) - Не запаadlo. В точку сказано.

Ренат. - Да нет, Кир. Я серьезно. Мне кажется, сегодня ты в поэзии лучший.

Кирилл. - Твоими устами, да мед пить. А в общем, прав.

Ренат (теперь уже он смеется). - От скромности не умрешь.

Кирилл. - От нее и не собираюсь. Есть много чего другого...ладно. Кстати, ты не совсем меня правильно понял. Я ведь с сожалением свое первенство

признаю.

Ренат. - Давай, рассказывай.

Кирилл. - Да ровни нету. И мне скушно, и народу почитать, по большому счету, нечего.

Ренат. - Так уж и совсем нечего?

Кирилл. - Ну... Хотелось бы побольше. А лучше - получше...

Все это время группа поет и играет свою композицию. Она, как говорится, за гранью. Это идет фестиваль начинающих. Мало того, что поют плохо, но и очень громко. Ренат и Кирилл замолкают- говорить невозможно. Группа заканчивает выступление. Выходит ведущий, говорит.

Ведущий. - Ну вот, мы прослушали «Али - бабу». По моему, достойно. Как считаете?

Кирилл (не вставая, в никуда). - Редкое дерьмо...

Ведущий (растерянно). - Ну, первый опыт...

Кирилл (продолжает). - Посуду им мыть... за сорока разбойниками.

Ведущий. - Что вы себе под нос бурчите. Давайте на сцену, скажите, что думаете.

Кирилл. - Мне на сцене делать нечего. Но и этим ложкомойникам - тоже...

Ренат. - Кир, да брось ты с ними вязаться.

Кирилл. - Да разве я вяжусь? По моему, это он мне свое мнение навязывает.

Ведущий. - А кого бы вы с этой сцены хотели бы слушать?

Кирилл. - Я? Я хотел бы слушать дружка своего, Сашку Башлачева.

Ведущий. - Согласен. Но ведь нет его...

Кирилл (обращаясь к Ренату) - Вот о чем я тебе толкую. Нет его. И слушаем всякую хренотень. Уважаемый, прекратите шапито, видите, мы же ужинаем.

В это время к столику подходят трое парней. Это музыканты из «Али-Бабы». Ни слова не говоря, один из них с размаху бьет Кирилла в лицо. Тот падает. Ренат смотрит и говорит.

Ренат. - Как-то это не по спортивному. Бой всегда объявлять надо.

Музыкант. - Сейчас и тебе объявим, если еще питюкать будешь.

Ренат. - Ну, я понял.

Он встает, далее все происходит молниеносно. Музыкант с заломленной рукой орет, а Ренат его перекрикивает.

Ренат. - Всем назад. Руки ломаю...

Музыкант. - Да уже сломал, мудака...

Ренат. - Да? Точно (отпускает парня.) Ну, это за мудака. Сваливаем, Кир.

Х Х Х

Кирилл, Ренат и Сеня сидят за столом в маленьком баре. Их обслуживает Петр Петрович, высокий мужик спортивного сложения. Он приносит

очередную порцию шашлыка. Пьют виски.

Ренат. - Зря, Кир, от бани отказался. Тем более, Улька не приехала, парились бы без проблем. Кстати, а чего она притормозила?

Кирилл. - Стих, говорит, пошел. Не до нас.

Ренат. - Как ты сказал? Пошел? Рожает, что ли?

Кирилл. - Рожает.

Ренат. - А по настоящему когда?

Кирилл. - Да никогда, наверное. Впрочем, это не мне решать.

Ренат и Сеня хмыкают.

Ренат. - А кому?

Кирилл. - Богу, Ренат, Богу.

Сеня. - Что-то вас, господин поэт, сегодня на Бога пробило.

Кирилл. - Эх, Сеня. Не сегодня...

Сеня. - Вот и меня недавно стражил: дескать, бояться мне надо Создателя.

Ренат (приобнимает Сеню). - Что-то не так с моим бывшим учеником?

Кирилл. - Да я одно имел в виду: если уж ты его не любишь, так хоть побаивайся. На всякий случай.

Сеня. - Вот так, Алексеич, он на меня уже полдня и наезжает. Заодно и по Петровичу проехался...

Кирилл. - Петрович, Алексеич...Наливай давай, Шапиро.

Ренат хохочет. Сеня молча разливает виски.

Ренат. - А насчет Петровича... Че это ты, Кира?

Кирилл. - Да я тут причем?! Он же лезет с ним где надо, и где не надо.

Они выпивают. Заметно, что Кирилл уже опьянел.

Ренат. - Ну, не знаю. Может, так и надо? Никогда не забывать про эту войну? У меня дядька в концлагере погиб, рассказывают, мученической смертью. Так как я про это забуду?

Кирилл. - Давайте еще по одной.

Выпивают.

Кирилл. - Кто говорит - забудь? Никто не говорит - забудь...

Ренат. - Конечно, это эхо еще катится по нашему распадку...

Кирилл. - Так, стоп.

Что-то записывает на салфетке, прячет ее в карман.

Кирилл. - Да не в этом дело, Ренат. Понимаешь, это разные вещи - воевать, и писать для других о войне.

Ренат. - И что, Петрович плохо писал?

Кирилл. - Да нет, не плохо. Но воевал, кажется, лучше.

Выпивают. Теперь они все уже изрядно пьяны.

Кирилл. - Давайте, чтобы закончить о Петровиче. Настоящий был мужик, что и говорить. Межиров о себе и о таких, как он, написал.

Кирилл читает четверостишие.

Наступаю, отхожу и рушу
Все, что было сделано не так.
Переформирую душу
Для грядущих маршей и атак.

Ренат. - Вот давайте за них и выпьем. Стоя.

Они выпивают стоя.

Кирилл. - И это все, что я для него могу сделать.

Сеня (громко). - Почему? Ну почему?!

Кирилл. - Да все просто, на самом-то деле. Потому что был на Руси еще один народный писатель, Львом Николаевичем Толстым звали, граф он. Он нам рассказал и о войне, и о мире. Но прежде, чем писать, и о том, и о другом, граф основную вещь перечитал - «Нагорную проповедь» Христа. И стало ясно, что такое война, и что такое мир.

Ренат. - Непротивление злу насилием...

Сеня (восхищенно). - Учитель! Ты даешь!

Ренат. - Ну так не зря я уже столько лет директор школы самбо.

Кирилл. - Да Ренат. Если разобраться, единственный шанс человеков.

Ренат. - Но мускулы-то дрябнут.

Кирилл (хохочет). - Выродиться боишься! Известно же, победа - это начало поражения. Да ты, Ренат, не пужайся. Знаешь, иногда бывает такое непротивление, что уж лучше поножовщина. А в сиянии добра непременно затаится зло. Бесконечный процесс. Так что не выродимся. Но разговор-то не об этом. Граф механизм показал. А Петрович, как ни старался, сделать этого не смог. Хотя, признаю, пытался. Американцы это очень уважают - «этот хотя бы попытался». И вот поэтому я предлагаю еще раз выпить за Петровича.

Они встают, пьют. Ренат говорит.

Ренат. - Предлагаю не садится. Предлагаю выпить за графа Льва Николаевича Толстого.

Пьют.

Ренат. - А давайте телеграмму в администрацию отправим - «третий день пьем здоровье Льва Николаевича...»

Кирилл. - И просим представить его к ордену Мужества - посмертно. Да. Хорошая история. Только эти не поймут. Не та порода.

Сеня. - Да тебе, кого не возьми, все «не та порода»... И вообще, Кирилл, ты что говоришь? Это же отстойная философия. А главное, где говоришь...

Кирилл. - Ну, вот такая у меня миссия... в храме борьбы о христовых заповедях.

Сеня (вызывающе). - Ты, миссионер..

Кирилл. - Нет, Сеня, не миссионер я. Я тоже мессия.

Ренат. - При чем, пьяный мессия...

Кирилл. - А. Пойду, покурю. (Встает.)

Ренат. - Правило помнишь? В школе травку никто не курит.

Кирилл. - Ну мне-то можно.

Ренат. - Нельзя.

Кирилл (садится). - ****ь, и перед кем я тут распинаюсь...

Ренат (с интересом). - И перед кем?

Кирилл. - Ну вот ты... Ты и на свет - то только для того появился, чтобы мне помогать...

Ренат (тихо, не глядя на Кирилла). - Что?

Кирилл. - Ну, это я к тому, что у каждого из нас своя миссия в жизни.

Ренат (не меняя взгляда и тем же голосом). - Пошел вон отсюда, щенок.

Кирилл. - Ренат, да что тут обидного. Помогать мне.

Ренат (рявкает). - Вон!

Кирилл наконец почувствовал опасность. Он резко встает и уходит. Ренат и Сеня несколько секунд сидят молча. Потом Ренат говорит.

Ренат. - Догони, паршивца, и дай ему хорошего пинка.

Сеня. - Отлично (вскакивает.)

Сеня выбегает в коридор. Ренат сидит еще мгновение, потом подходит к двери, открывает, кричит.

Ренат. - Семен!

Сеня возвращается.

Ренат.- Ладно, Бог с ним. А то еще депрессуха начнется, стихи писать перестанет.

Они опять сидят молча. Потом заговаривает Ренат.

Ренат. - А ведь прибить могут по дороге мессию.

Сеня. - Распни его...

Ренат. - Нет, кроме шуток. Ладно, догони и отвези. На вот, сунешь ему в карман (дает банкноту.) И за такси сам расплатись. А то ведь у нас, у породистых, как, - сегодня сдачи не надо, а завтра помираем. Возьми виски,

Уле отдай.

Сеня. - Зря ты это, Ренат. Ведь что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.

Ренат. - Ну, во-первых, не факт, что ты понял, о чем он. А, во-вторых, дело уже не в нем. Он, я чувствую, с такой жизнью долго не протянет. А стихи останутся. Иди, Сеня, а то умоляет, ищи его потом.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Квартира Кирилла и Ули. Ночь. Кирилл сидит на кухне и беззвучно плачет. Он что-то пишет на салфетке, привезенной от Рената. Потом, не раздеваясь, валится на небольшой топчан. Свет медленно гаснет.

Следующий день. Время после обеда, 2-3 часа. Кирилл просыпается. Он раздет, спал под пледом - Уля ночью постаралась. Сейчас она сидит у него в ногах, очень грустная, придавленная чем-то.

Кирилл. - Что, опять грусти-печали.

Уля. - Да нет.

Кирилл. - А то я не вижу.

Пытается встать, громко охает, и валится кулем на топчан.

Кирилл. - Дела... Что-то бок болит сильно. Так. Где это я вчера проповеди читал? Ах, да, у Рената. Нашел место. Хотя... самое, пожалуй, место. Слушай, помоги до сортира дойти.

Она помогает ему доковылять до него, потом Кирилл сам, по стенке, переходит в ванную, оттуда кричит.

Кирилл. - Енот, если не похмелюсь, помру счас.

Уля наливает треть стакана виски и несет в ванную. Выходит из нее, за ней через секунду появляется уже чуть оживший Кирилл.

Кирилл. - Уфф, прижало. Сам, понимаешь, испугался. Так что не смотри на меня так. А откуда амброзия?

Уля. - Сеня подарил.

Кирилл. - Ну да, Сеня. Держи карман шире. Где моя куртка? Тащи ее сюда.

Уля приносит его куртку, в которой он был вчера. Кирилл лезет в карман, достает оттуда сначала свой блокнотик, лезет в другой, достает пятитысячную купюру.

Кирилл. - Сеня. Как бы не так.

Кирилл пролистывает блокнотик, и недоуменно говорит.

Кирилл. - Черт, приснилось, что ли...

Уля. - Не приснилось.

Она дает ему вчерашнюю салфетку. Вид у нее еще более подавленный.
Кирилл берет салфетку, читает.

Все сложнее, а эхо все проще
проще, будто бы сойка поет.
Отвечает, выводит из рощи
это эхо, а эхо не врет.

Что нам смерти и жизни чужие?
Не пора ли глаза утереть.
Что Россия? Мы сами большие.
Нам самим предстоит умереть.

Кирилл (бурчит). - Я же говорю, стихи писать - это как умирать. Сегодня я прекрасная иллюстрация этой выстраданной максимы. Так меня что, Сеня привез?

Уля. - Он.

Кирилл. - Теперь понятно. Видно это не бок, это ребро болит. На, Уль, деньги, дуй к Тимофею.

Уля. - Да есть еще травка. А денежку приберегу пока.

Кирилл. - Ну, тогда давай еще по сто пятьдесят выпьем, и разойдемся...

Уля. - Я даже шутки такие не люблю.

Кирилл. - Эх, Улька...

Они выпивают. Уля берет маленький телевизор и уходит с ним на кухню.
Кирилл сидит за столом, курит самокрутку. Уля громко говорит из кухни.

Уля. - Вчера, пока тебя не было, Бибиденко звонил.

Кирилл. - Че надо было?

Уля (заходит в комнату). - Не сказал. Разве он до меня снизойдет! Короче, просил ему перезвонить.

Кирилл. - Делать мне больше нечего...

Уля. - Кир, да неудобно как-то.

Кирилл. - Неудобно говоришь? Скажи, Ульяна, а когда ты трубку подняла, он тебе «здравствуйте» сказал?

Уля. - Нет. Он сказал : Бибиденко.

Кирилл. - Тогда скажи, Ульяна, а когда ты трубку уже собиралась положить, ты «до свидание» услышала?

Уля. - Ну ты же знаешь. Он бросает трубку первым, без всяких «до свиданий».

Кирилл. - И последний вопрос: а тебе не кажется твое сетование рабским?

Помнишь, в школе нам все время картинки показывали, там дети в начале советской власти изо дня в день писали слоган - «мы не рабы, рабы не мы».

Сто лет скоро будет с тех времен, а как были рабами, так и остались. Ты в данном случае - раба условности.

Уля заходит в комнату, присаживается к столу.

Кирилл. - Ну, ну, Енот, что за лицо. Не унывай. Ничего в этом плохого нет.

Уля. - По твоему, ничего плохого в рабстве нет?

Кирилл. - Налей, ты тут без полстакана меня не поймешь.

Они опять выпивают. Кирилл просит.

Кирилл. - Скрути, Енот, сигаретку...

Уля. - Нет. Если Енот сейчас затынется, то уж тогда точно ничего не поймет.

Уже почти стакан на голодный желудок приняла. Объясни, тебе говорят, а то хуже будет.

Кирилл. - Вас понял. Небольшой форс-мажор, да? Что, могут быть последствия? Хорошо, хорошо. Ну, я что имею в виду. Помнишь историю о том, как Моисей вывел народ израильский из Египта, а потом сорок лет водил по пустыне, чтобы самый последний из них забыл о рабстве?

Уля. - Помню.

Кирилл. - История эта вечная. Уходили из одного рабства, попадали в другое. И так - на все времена.

Уля. - Это как?

Кирилл. - Вот представь себе... Моисей вывел людей из точки «А». Они бродили по пустыне, а потом вернулись в нее. В точку «А». Да. Вернулись...и опять в тот же путь.

Уля. - За свободой.

Кирилл. - Ну да. А та всегда выкидывала свой коронный финт - оборачивалась рабством.

Уля. - Что ж... Образно. А если, все таки, попали бы в точку «Б»?

Кирилл. - Бывало. Бывало такое, забредали. И начинались Содом и Гоморра. Конец света. Поэтому, процесс бесконечен. В интересах, так сказать, самого человечества.

Уля. - Так выходит, что рабство это вообще благо?!

Кирилл. - Выходит. Точнее - естественное состояние. Или даже так - необходимое.

Уля. - Налей.

Кирилл наливает ей на дно стакана.

Уля. - Какого черта! Больше наливай.

Кирилл наливает полстакана. Уля выпивает его залпом.

Уля. - Ужаси, какие прелести... Нет, врешь... Все же мы не рабы. Все же рабы не мы. Тогда, кто рабы? И кто мы? Наливай еще, Кирилл.

Она пьяна вусмерть. Кирилл кладет ее на кушетку, накрывает пледом, сидит рядом, гладит по голове. Она вдруг поднимает голову.

Уля. - И Бибиденко раб?

Кирилл. - Ну, а куда он денется от первой заповеди.

Уля. - Кирилл! Но я хочу в точку «Б»! Ну ты-то можешь меня туда отвести?

Кирилл. - Не приведи Господь, Енот...

Уля засыпает. Кирилл уходит на кухню, наливает остатки виски, выпивает, ложится на топчан.

Х Х Х

Затемнение. Свет. Та же комната, Кирилл с Улей, гораздо моложе. Словом, видно, что действие происходит в более раннее время.

Уля.. - Скоро Сергей Иванович приедет. Ты бы, Кир, переоделся, что ли. Гость, все же.

Кирилл. - Я его не звал. Сам напросился. Побеседовать со мной.

Формулировочка, ****ъ. Ладно, я в душ. Когда он сказал подъедет?

Уля смотрит на часы.

Уля. - Да минут через десять.

Кирилл. - Отлично.

Он заходит в ванную комнату. Звонок в дверь. Уля открывает, в квартиру входит высокий сухощавый мужчина в возрасте - пожилой уже, лет шестьдесят. Сухощавый он по конституции, но годы дали ему некоторую плотность тела, небольшое брюшко. Это известный всему миру поэт Сергей Бибиденко. Одет Бибиденко как разноцветный попугай, черные брюки, красная рубашка - апаш, на голове голубая бумажная теннисная кепка с прорезями - чтобы темя не потело. Он осматривает квартиру, качает головой.

Бибиденко. - Да, Уля, неважно живете. Что, Литфонд ни разу не помог?

Уля. - Так он помогает только своим членам. А мы-то какие свои? Тем более, члены?!

Бибиденко. - Так ты вспомни, сколько раз Кириллу предлагали вступить в него! Будто не слышит нас. Где он, кстати? Ты предупредила, что я зайду?

Уля. - Да вот он.

В комнату из ванной выходит Кирилл. Он обмотал бедра полотенцем, больше на нем ничего нет.

Кирилл. - Разрешите присутствовать...

Бибиденко. - Ого! Что, так и будем разговаривать?

Кирилл. - Конечно. Садитесь, Сергей Иванович, коли пришли. Есть портвейн массандровский.

Бибиденко. - Хм. Ты смотри. И я его принес.

Кирилл. - Ну, тогда лучше ваш.

Бибиденко. - Конечно, конечно. Сщас.

Он звонит по мобильному.

Бибиденко. - Артур, принеси портфель. Третий этаж, квартира 112.

Обращаясь к Кириллу.

Бибиденко. - Сщас шофер принесет. Ты б оделся, что ли...

Кирилл пропускает эту просьбу мимо ушей.

Кирилл. - Так что вас к нам занесло вдруг.

Бибиденко. - Не вдруг, совсем не вдруг. Тут, ребята, вот какое дело. Решили мы тебя, Кирилл, предлагать в секретари. Ну, пока московской организации. Но с перспективой на будущее. На Россию.

Кирилл (иронично). - Как бы сказал Владимир Ильич Ленин, кооптировать.

Бибиденко. - Да как хочешь называй. Но вообще-то будем выбирать на следующем сборище.

Кирилл. - Вот именно, на сходке. Не, Сергей Иванович, не прокатит. Сами сейчас говорите: палец дай, а мы потом руку до локтя ухватим. И кто же это придумал, вольтерьянца в начальство?

Бибиденко. - Да я и придумал. И не вольтерьянца, а, скорее уж, хунвейбина.

Кирилл. - Смело. В чем фишка-то?

Бибиденко. - Да просто все. Новые времена, нужна молодая кровь, больше никаких причин.

Раздается звонок, Уля приносит две бутылки массандровского портвейна и штопор. Кирилл берет бутылку, начинает открывать, пробка не поддается. Он напрягся, и полотенце от этого усилия соскальзывает с бедер. Кирилл продолжает открывать. С большим усилием выдергивает ее, ставит бутылку на стол, привстав. Мелькнули мужские причиндалы, какое-то цветное пятно в районе паха. Бибиденко покачивает головой.

Бибиденко. - Кирилл, я вообще-то и не такое видел. Не забывай, что старше вдвое. Так что больно-то не старайся. А то пупок развяжется.

Кирилл (бурчит). - Не забудьте потом рассказать, что это вы «не такое» видели. (Нормальным голосом.) Нет, ну а как еще поддерживать славное хунвейбиновское знамя?

Бибиденко. - Ну, не знаю. Хотя... Есть давний стих. Хочешь, четыре строчки?

Кирилл. - Читайте...

Бибиденко читает четверостишие.

Не самоутверждайся. Пропадет,

подточенный тщеславием, твой гений,
и жажда мелких самоутверждений
лишь к саморазрушению приведет.

Кирилл.- Будем считать, что это тост.

Они чокаются и выпивают.

Кирилл. - А строчки спорные. Но, если серьезно, начистоту... Как, хотите?

Бибиденко. - Можно. Да прикрой ты срамоту-то!

Кирилл. - Ага. А организмы у нас все таки нежные.

Бибиденко. - Давай, Кирилл, без хамства.

Кирилл (бурчит). - Кто бы говорил... Хорошо.

Он опять обворачивается полотенцем. Говорит.

Кирилл. - Ну, во-первых, возраст в моем случае уже никакого значения не имеет. Во-вторых, самоутверждения, конечно, есть. Но они не мелкие. И жажды на них нет. Как то все само собой получается. Чего нельзя сказать о вас.

Бибиденко. - Да я и не отрицаю...

Кирилл. - Конечно. Как вы можете отрицать, когда еще недавно перед тысячами на стадионах именно этим занимались. Сергей Иванович, ну объясните, как можно писать стихи для тысяч, а потом читать их тысячам?! Что это за стихи? И стихи ли это?

Бибиденко молча разливает портвейн по стаканам. Они пьют. Уля встает и потихоньку выходит из комнаты. Бибиденко отвечает.

Бибиденко. - Помнишь мою формулу: «поэт в России больше, чем поэт».

Больше - это значит трибун, вождь, лидер. Отсюда и стадионы. Мы, Кирилл, наверное, по разному понимаем, что такое поэзия.

Кирилл (резко). - Что тут особо понимать?! Поэзия - она одна единственная, и она моя. Я точно знаю цену этому эксклюзиву. Цена - моя жизнь. Какие уж тут стадионы, когда на кону жизнь.

Бибиденко. - Ты же знаешь...Бывали моменты, когда я шел на все...

Кирилл. - На все... Ну, отобрали бы тиражи, деньги, дачу, границу... Ну, что еще ... Стадионы. Да не о том я. Мой стих - это не только жизнь, это и смерть моя. Одновременно. Вот так. А все остальное - это что-то другое. Пропаганда, что ли... Названий тому много, да что о них сейчас говорить.

Бибиденко. - Мой, моя...Ты что, стихи не для людей пишешь?!

Кирилл. - Конечно, нет. Только для себя.

Бибиденко. - Постой. Ты что, хочешь сказать, что я...

Кирилл. - Да все я уже сказал. А вы все давным - давно уже поняли, и без меня. Шанс у вас был, но вы его не использовали. А теперь приходите, «кооптироваться» предлагаете. Ну за кого держите - то, Сергей Иванович?! На

что рассчитывали - непонятно. Как-то не прокатывает ваша слава. Ваш личный пример. Ваша судьба.

Бибиденко молча встает. Подходит к книжной полке. Берет книгу.

Бибиденко. - Мистер Бродский. Часто перечитываешь?

Кирилл. - Частенько.

Бибиденко. - Что ж, ты себе учителей выбрал...

Кирилл. - Да Господь с вами, Сергей Иванович. Нет у меня никаких учителей, и уже никогда и не будет.

Бибиденко. - Ну, посмотрим, чем все это кончится.

Кирилл. - Что именно?

Бибиденко. - Твой личный пример. Твоя судьба. Но ты знай - я, несмотря ни на что, добра тебе желаю.

Кирилл. - Сергей Иванович, идите лучше портвейн допьем.

Бибиденко. - Это уж без меня.

Бибиденко уходит. Из кухни появляется Уля.

Уля. - Слушай, ну ты как пес цепной. Он же старый уже. Классик...

Кирилл. - Черт вас всех побери! Вот такие, как ты, и сорвали ему крышу.

Классик! Чего тогда стоит вся эта классика...

Уля (отчаянно). - Ну есть же у него хорошие стихи!

Кирилл (неожиданно спокойно). - Есть. Но и только.

Уля. - Ну вот!

Кирилл (как бы про себя). - Хорошие стихи, хорошие стихи...

Он подходит к книжной полке, берет книгу Бродского. Открывает первую страницу, достает оттуда две пятитысячные купюры. Какое - то мгновение стоит, смотрит на них. Подходит к столу, за которым сидит Уля, и в каком-то отчаянном остервенении бросает их на стол.

Кирилл. - Хорошие стихи.

Выходит из комнаты. Уля смотрит на деньги, потом берет банкноты, складывает пополам, прячет в нагрудный карман своей рубашки.

Х Х Х

Кирилл очнулся. В кухне уже темно. Он включает свет. Пробирует встать, но ничего не получается. Видно, что его состояние - хуже некуда. Он кричит.

Кирилл. - Енот! Ты там жив? Если да, то иди на помощь.

На кухню заходит Уля.

Уля. - Ничего себе, зажгли. Сколько время - то?

Кирилл. - Какая разница. Придется тебе сейчас в магазин топать. Надо было днем это сделать.

Уля. - Днем? Нет, днем я узнала столько интересного! Не до магазина было, рабе божьей Ульяне, прости Господи.

Кирилл. - Включи что-нибудь. Давай джаз, Армстронга. И давай покурим.

Уля. - Сщас, соображу.

Уля в ногах у Кирилла, они смолят травку, слушают джаз.

Уля. - Ну вот. Вроде полегче. Надо быстро использовать передышку. Я пошла. Виски возьму, да?

Кирилл. - Правильно. Нечего на здоровье экономить.

Уля прыскает.

Уля. - Какой мудрый мэн. Ну, я пошла, мой рассудительный любимый...

Кирилл. - Подожди. Дай мне вот тот томик, Бродского. Сам-то не дойду.

Уля. - Не переживай. Сейчас поправимся.

Уля дает книгу Кириллу и уходит. Кирилл мгновение читает. Потом кладет открытую книгу на лицо.

Х Х Х

Затемнение. Свет. Декорации квартиры Люси - лондонской «музы» многих русских эмигрантов, занимающихся искусством профессионально. Она вечно помогает писателям, музыкантам, художникам. У нее остановился Кирилл, приехавший в Англию на конкурс молодых поэтов. Вот-вот должен придти Бродский, ее хороший знакомый. Он заинтересовался Кириллом.

Кирилл (он, как и в сцене с Бибиденко, молод). - Успею я до Бродского душ принять?

Люся. - Ну, если учесть, что ко мне он никогда вовремя не приходит, то да. На полотенце.

Он уходит в ванную, и почти сразу звенит дверной звонок. Заходит Бродский.

Бродский. - Вот те раз. А где интересный собеседник?

Люся. - Вот он.

В дверях появляется Кирилл с полотенцем на бедрах.

Кирилл - Разрешите присутствовать...

Бродский. - Ах ты Господи... Люся, что ж вы... Не предупредили...Я то не по форме... Есть еще полотенце, да?

Они смеются.

Кирилл. - Пойду, переоденусь.

Бродский. - Да зачем? Такая жара в Лондоне, вон, даже кондишен не спасает. Вот отсюда и вопрос: что пить будем по случаю знакомства?

Кирилл. - Неужто спирт будем жарить?

Бродский. - А что друзья, а что если мы сегодня обойдемся без литературных реминисценций, да?

Кирилл и Люся - хором. - Есть!

Бродский. - Вольно. Вольно вам над стариком шутки шутить.

Кирилл. - Ну... Вот чувствую: сейчас начнется рассказ про то, как отступали с оружием в руках в Крыму под натиском красных.

Бродский (с непроницаемым лицом, серьезно). - С оружием в руках, Кирилл, надо не отступать, а наступать. Такая литературная формула.

Кирилл. - Согласен.

Бродский. - Конечно, согласен, да. Я и сам с ней согласен. А вот и напитки.

Люся все решила единолично. За что я ее и люблю.

Кирилл. - Джин с тоником. Прекрасно. Главное, теперь уж точно не забуду, что я в Лондоне. Вчера, кстати, был в одном пабе, там собирается русская молодежь.

Люся. - Я тоже пару раз была... Да что-то не впечатляют такие встречи.

Кирилл. - Еще как впечатляют! Думаешь: какового хрена им здесь надо! Что дома не работалось. Совсем убого...гламур, попса, сплетни... вот какое жестокое впечатление от этих ребят. Вылитая Москва.

Бродский. - А вы, Кирилл, в Лондоне где -нибудь работаете?

Кирилл. - Еще нет. Я ведь недавно приехал. Но Люся нашла одно замечательное занятие.

Бродский (вопросительно, Люсе). - Ну, мать...

Люся. - Ну, насчет того, что занятие замечательное, это Кирилл преувеличил... Но десять фунтов в час...

Она замолкает. Бродский смотрит на нее, на Кирилла. Они молчат.

Бродский. - Неужели будете обналичивать фальшивые чеки?

Кирилл. - Ну, что-то вроде этого.

Люся. - Не надо.! Все совершенно законно. Он будем демонстрантом.

Опять пауза. Они молча выпивают. Потом Люся неохотно объясняет.

Люся. - Короче, Иосиф, он будет участвовать в демонстрациях, которые проводят местные «зеленые». Против конной охоты на лис и зайцев. Старая английская болячка, аристократы никак не могут отказаться от вековых забав. А демократическая общественность против. Но кому охота торчать по полдня в толпе идиотов? Вот они и нанимают людей. Десять фунтов в час...

Бродский. - Да помню, помню... Охота пуще неволи... Это, конечно, не навоз

вилами на телегу грузить...

Кирилл. - Какой навоз?

Бродский. - Работал я в молодости... рабочим треста «Скототкорм»...

Кирилл (торопливо). - Понял, понял. Когда на большевитской каторге загибались...

Бродский. - Да помилуй Бог, Кирилл, ничего я не загибался. Если бы не навоз, к которому так и не привык, совсем все отлично было бы. Я эту архангельскую деревню часто теперь вспоминаю.

Кирилл. - А как же знаменитое ахматовское: «Какую они биографию рыжему делают!»

Бродский. - Так это ж они, а не я. А я навоз грузил, писал стихи каждый божий день, с утра пил молоко, а вечером самогон - первач, чистейший. Больше уже никогда такого не пробовал. Да и, чувствую, уже и не попробую. Вот что грустно... Отлично помню первые дни...

Кирилл. - «...чувствовал себя, как бывший нацист или Артур Рембо: все позади - и все позволено».

Бродский. - Ого! Это ж из моего бразильского очерка.

Кирилл. - Точно. Запала фраза. Все остальное ушло в эмоциональную подсознанку. Насчет каторги все равно завидую по белому. Сейчас такого уже и в помине нет. Хоть лоб расшиби, а такой биографии не получишь. Так, маразм всякий. Я уж думал: может мне киоск по пьяному делу ломануть?! А? Года на два?

Бродский. - Да что киоск! Лучше уж самосожжение. На следующей демонстрации. В защиту зайцев и лисиц.

Кирилл. - Думал об этом. Бесполезно. Во- первых, можно действительно поджариться, а, во-вторых, англичане поверят, что и правда этих (произносит с отвращением.) тварей защищаю, а в России просто не заметят. Ну вы вот шутите, Иосиф Александрович, а если бы только слышали, как вас на Родине боготворят!

Бродский. - Как? Люська, притормози. Одна ведь уже почти бутылку прикончила.

Люся под их треп налегает на джин. Она уже заметно пьяна. Чувствует это, потому молчит, только улыбается в ответ.

Кирилл. - Ну, вот, например, слышал о вас такой рассказ. В литературном клубе, между прочим. Один поэт прозаику рассказывал.

Бродский (нетерпеливо). - Ну, ну, Кирилл...

Кирилл (пытается найти сказительный тон, у него это плохо получается - совсем не тот типаж). - Будто бы сидит себе будущий нобелевский лауреат в селе Норинском, никого не трогает, и уже тем самым начинает тревожить гэбуху - ай, задумал чего, скрытый враг? Может, пропагандирует в ссылке? Смущает народ... одним своим присутствием... надо бы проверить... если что, хороший инцидент можно будет в годовой отчет вставить...или кварталный. Короче говоря, выслали из области двух проверяющих, один толстый, другой

худой, но оба маленькие. Нет, ну это ведь великие истории, надо бы выпить...
Бродский. - Ох, конечно. Люська, тебе половинку...
Люся (пьяно). - Чего это? Я половинок не признаю. Или все, или ничего...
Бродский. - Ты, Шапиро, помалкивай. Что с тобой завтра будет, только спасибо скажешь.

Увидев удивленный взгляд Кирилла, объясняет.

Бродский. - Да это ее девичья фамилия.

Они выпивают. Кирилл продолжает рассказ.

Кирилл. - Ну, долго ли, коротко ли, а приехали они наконец в это Норинское, нашли дом, где проживал ссыльный поэт, зашли, и сразу начали угрожающим тоном требовать сдать наркоту и оружие...

Бродский (встревоженно). - Да не было тогда этой проблемы, наркоты, чушь какая-то...

Кирилл. - Было, не было... Народ зря придумывать не станет. Значит, травка была, скорей всего.

Бродский (спокойно). - Хорошо.

Кирилл. - Услышав отрицательный ответ, ребята приступили к обыску. А, надо сказать, были они с бо- оль- шущего бодуна, потому как добирались в деревню вместо суток неделю, да еще два дня лакировали с местным начальством в сельсовете. Поэт это сразу приметил, и когда один встал в дверях, а второй подошел к очень высокой книжной полке, во всю стену, почти до потолка, и полностью забитой книгами, он ему услужливо стул подставил - доскаты, наверх-то с пола не достанешь. Руки короткие. Гэбешник стал на стул, и, невольно, начал досмотр с верхней полки. А хитрый поэт, будущий нобелевец, подумал: «Попался, который кусался. Попался, капитан. А, может, майор? Ты, пока теперь до нижней полки дойдешь, у тебя мозги, которых нет, совсем протухнут. А у меня на нижней «Чевенгур» Платонова, «Доктор Живаго»... Мелочь, а приятно. Однако шибко коммунистам не нравятся...» Так все и случилось. Сначала заблажил тот, который на шухере, в дверях остался. Он застонал, что пора на обед, который в сельсовете стынет, а пока все эти книги подельник перетрясет, уж время ужина настанет... И вряд ли они тогда смогут дойти до этого вожака сельсовета. Так и скроет ночная мгла их прекрасные тела где - нибудь в кустах ракитника... Второй уже машинально перебирал книжки, даже названия перестал читать... Тряс только. Как дома, когда забытую записку искал. Потом плюнул, и сказал : « Ну, что ж. Запрещенной литературы нет. А потому мы прекращаем обыск».

Бродский где-то с середины рассказа сидит, опустив голову. Люся улыбается.

Бродский (поднимает голову). - Стоп. Сразу видно, что вы не питерский, Кирилл. Это рассказы о Ленине, Михал Михалыч Зощенко еще до войны нечаянно скурвился. Хотя нет, и не скурвился, вроде. Таким и был, так и

думал. Знаете, поговорка есть: «За что боролся...»

Кирилл. - Знаю, знаю.

Бродский. - И только ленивый в городе двух революций на этих рассказах не оттоптался.

Кирилл (смущенно). - Да. Как-то я об этом не подумал. Мне казалось, все их уже напрочь забыли... Лучше бы что-нибудь из японского эпоса... На худой конец, из жизни императора Хирохито...

Бродский (живо). - Вот. Вот это было бы жизненно и актуально. И мы бы поверили...

Люся (совсем пьяная, речь полубессвязная). - А то сравнил это рыжее плешивое гавно с Оськой...

Бродский и Кирилл пристально глядят на нее молча. Люся мотает головой. До нее доходит, что она несет.

Люся. - Иосиф, да это же я не про тебя... Он же тоже рыжий и плешивый был, вождь мирового пролетариата...

Бродский (резко встает, с каким-то детским возмущением). - Люська, ты!

Люся (бормочет). - Люська, Люська... А что Люська... Я уже тридцать пять лет, как Люська...

Бродский (яростно, тычет в нее пальцем). - Сорок. Сорок ты Люська.

Он садится. Секундная пауза.

Бродский (спокойно). - Ну я же сказал, чтобы молчала. А, впрочем, права ведь старуха. При том, что оба вожди.

Люся. - А ты кого вождь?

Бродский. - Я? Я никого. Просто вождь. Ну, я чувствую, еще немного, и мы все трое станем похожи на людей доброй воли. Поэтому, напоследок, Кирилл. Я прочел все стихи, которые мне Люся передала. Отличная работа. Слышал, на конкурсе, первым были?

Кирилл. - Выиграл.

Бродский. - Ну, тут особых иллюзий у вас не должно быть. Я посмотрел их стихи. Ровни вам там не было. Давайте так: похлопochу об издании книги в Нью-Йорке и напишу предисловие.

Кирилл. - Я...

Теперь уже он резко вскакивает, и полотенце соскальзывает с его бедер. Люся хохочет. У Бродского растерянный вид. Кирилл моментально запахивает полотенце. Все происходит в долю секунды.

Кирилл. - Спасибо. Сейчас у меня голову снесет. Давайте выпьем. Давайте я вас обниму...

Бродский (как-то по детски, испуганно). - Нет. Только выпьем. А вместо тоста пожелание: надо вам возвращаться. Не хер здесь всякой чушью заниматься, время тратить. Прозит.

Выпивают.

Кирилл. - И стать на родине больше, чем поэтом. Ну, скажем, коммерсантом.
Бродский. - Да. Да. Коммерсантом. Но у вас, к сожалению, уже не получится. Поэтому выход один - продолжать то, что Бог дал. А он на этот раз не поскупился. Как и я. Кто еще от меня такие слова слышал, скажи, Люся?

Люся. - Я скажу. Придет время, я все скажу. Вспотеете у меня...

Бродский (саркастически). - Мда, Люся. (Кириллу.) И формулу эту дурацкую забудьте. Поэзия - дело частное. Никаких социальных инициатив... И результат не гарантирован. Но другого пути нет. У вас, Кирилл, по крайней мере.

Кирилл. - Да мне - то формула до лампочки. А вот автор сейчас в стране дикого капитализма волком воет. После мега тиражей и гипер популярности.

Бродский. - Так я же говорю - результат не предсказуем. От тюрьмы, от сумы, от конформизма и глупости...

Кирилл. - Даже жалко его..

Бродский. - Ну вот. Вот мы и превратились в людей доброй воли. Сейчас заплачу. Я серьезно. Давайте выпьем. Чокаясь, чокаясь...

Кирилл. - Все знают, что у вас доброе сердце.

Бродский. - А вот здесь, батенька, вы уж того... Перебор.

Кирилл. - Между прочим, у Сергея Ивановича с сердцем стало плохо знаете как? Он остался наедине с девушкой легкого поведения, и начал ей читать свои стихи. Спрашивает - нравится? Девочка в ответ молча улыбается. Но улыбается так, как вот Люся сейчас. Хотя еще трезва, как стеклышко. Сергей Иванович заподозрил неладное, и дальше спрашивает : «А кто такой Бибиденко знаешь?» Она продолжает дико улыбаться. Тут он все понял, ноги у него подкосились, девчушка, слава Богу, опытная в таких делах, сразу галстук на нем ослабила, водой побрызгала и «скорую» вызвала. Две недели в реанимации пролежал.

Бродский (задумчиво). - Нет повести печальнее... Хотя...

Он замолкает. Сидит, витает где-то. Пауза. Люся, пьяная в хлам, все так же бессмысленно улыбается. Кирилл смотрит на Бродского. Тот продолжает.

Бродский. - Какой кошмар... Меня бы вообще до больницы не довезли. Мое бы сердце точно не выдержало.

Люся. - А не пиши «****ских ГЭС»...

Кирилл. - Ну вот как тут без реминисценций?!

Раздается звонок в дверь. Кирилл дернулся, но Бродский говорит.

Бродский. - Сидите, Кирилл. Лучше я открою А вдруг это соседи, добропорядочные люди?! Но не той доброй воли, какой бы нам хотелось.

Он выходит в прихожую, возвращается с тремя очень симпатичными

молоденькими девушками. Бродский пожимает плечами. Девушки бросаются к Люсе. Люся торопливо, где-то даже воровато, ставит свой стаканчик на стол. Она уже давно принимает порции сама по себе, с интервалом в пять минут. Одна из девушек, самая высокая, и, пожалуй, самая миловидная, говорит на «жестяном» русском.

Девушка. - Люси. Это поэты?

Люся. - Это поэты?! Да я... А ты кто?

Девушка. - Я...

Люся. - Понятно. Иосиф, девок перепиши. Потом доложишь. Я - спать.

Люся, слегка покачиваясь, уходит в другую комнату. Проходя мимо девушек, щиплет одну из них за попу : «Опп». Девушка пищит : «О -о- о». В дверях Люся притормаживает, и, обернувшись, пьяно грозит пальцем.

Люся. - Коза... козы...И не вздумайте кота на лампочку вешать!

Наконец, уходит.

Бродский (как бы отдуваясь). - Фу ты...Нет, ну а что вы хотели. Первые двадцать пять Люська на Лиговке прожила. У нее что, правда, кот есть?

Кирилл. - Откуда?! Наверное, был когда-то. Это мы еще легко отделались. В прошлый раз на пианинах музицировали. И три пальца вывихнуть умудрились!

Бродский. -Да, да... Понимаете, милые курсистки, на Люси сегодня можно ставить крест. Мы это сделали с большим прискорбием. Мы, поэты. Вас ведь на нас пригласили?

Видно, что девушки его замысловатый текст не понимают. Тогда Бродский говорит.

Бродский. - Ладно. Разберемся в процессе. Давайте для начала познакомимся.

Высокая девушка. - О, ес.

Кирилл встает. Резко бросает голову на грудь, обратно. Гусар, словом.

Кирилл. - Кирилл. Орликов. Поэт.

Девушка смотрит на него, и, протягивая руку, говорит.

Девушка. - Эмили Мортимер, студентка.

В это время с бедер Кирилла опять падает полотенце. На этот раз он не торопится возвращать его на место. Хулиганит. Между прочим, на внутренней стороне бедра, прямо около паха, цветное пятно, татуировка. Девушки улыбаются.

Эмили. - Приятно. А что есть там, на ноге?

Кирилл. - Тату. Бабочка, летящая на... В общем, летящая.

Эмили.- Понятно. Интерес. Я хотела бы поглянуть ее... как сказать...

Кирилл. - Детально? Да нет проблем.

Бродский. - Тату, бабочка... Да о чем вы, барышня?! Тут, между прочим, среди вас нобелевский лауреат затесался. А вдруг у него орел туда же летит? Тогда как?!

Х Х Х

Смена декораций, квартира Кирилла. Звучит музыкальная фраза из композиции «Puttin on the Ritz», сначала потихоньку, потом звук нарастает, а фраза повторяется. Кирилл открывает глаза, садится, трясет головой. Говорит вслух.

Кирилл. - А что? Вроде полегче стало. Вот что значит хорошие воспоминания. Лучше опохмела действуют. Так, письмо пришло...

Он встает, прислушивается к телу. Потом делает два осторожных шага к столу. Вроде бы, действительно, ему легче. По виду это так. Он открывает ноутбук, звук прерывается, а Кирилл сидит, задумавшись. Потом возвращается к компьютеру.

Кирилл (вслух). - Хорошее время было...Что-то мне нейдет без него... Сколько лет уже прошло... А вот вспомнил, и полегчало...Душе и телу...Чуть тогда не перехватил у меня Эмили...Лучше бы перехватил...Надо бы помянуть его...Где эта шлендра...Опять стихи рождает...Ну, ладно... А я тогда хороший стих написал... Нет, попозже...Теперь-то какая разница...Уже никто и не долбится, и не дразнится... Где-то же он есть в памяти...

Кирилл ищет стихотворение. Находит. Включает. Звучит его голос.

Не бойся ничего, ты Господом любим -
слова обращены к избраннику, но кто он?
Об этом без конца и спорят Бом и Бим
И третий их партнер, по внешности не клоун.

Не думай о плохом, ты Господом ведом,
Но кто избранник, кто? Совсем забыв о третьем,
Кричит полцирка - Бим! Кричит полцирка - Бом!
Но здесь решать не им, не этим глупым детям.

Он закрывает крышку ноутбука и кладет на него голову. В это время в квартиру неслышно заходит Уля, проходит в комнату, видит Кирилла. И вдруг кричит.

Уля. - Кирилл!

Он поднимает голову. Спрашивает, не удивляясь крику.

Кирилл. - Что ты?

Уля подходит к нему, обнимает голову Кирилла, прижимает к груди. Так они застывают на мгновение. Потом Кирилл высвобождается и говорит.

Кирилл. - Почувствовала. Правильно, Улька, почувствовала. Люблю тебя.

Накатило. Да и хорошо, что накатило. Стих выплыл. Ты купила?

Уля. - Ну конечно.

Кирилл. - Ну давай, а потом я его запишу.

Уля. - Я запишу. А ты мне прочитаешь.

Кирилл. - Лады. А то и правда, тремор.

Они выпивают. Кирилл читает новое стихотворение, Уля набирает его.

Заклинаю все громче,
Не стесняясь при всех
Отпусти меня, Отче
Ибо я - это грех

Различаю все четче
серебрящийся смех,
Не смеши меня, Отче,
Не вводи меня в грех.

Уля закрывает крышку ноутбука, смотрит на Кирилла. Он улыбается.

Кирилл. - - Что? Не понравилось?

Уля. - Да тут дело не в том, понравилось или не понравилось. Давно тебе хотела сказать...

Она мнется. Пауза. Ее нарушает Кирилл.

Кирилл (жестковато). - Ну, давай, мать, рожай, раз уж заикнулась. Я, в принципе, догадываюсь, о чем ты. Но лучше скажи.

Уля. - Кирилл, не надо так общаться с ним. Ну признайся, по простому, что грешны мы.

Кирилл. - По простому... По простому, это ты сама давай..

Уля. - Так страшно ведь.

Кирилл. - Что вы с Динкой заладили: страшно, что-то может случиться. Да без вас знаю, что все даром не пройдет. Это мне люди много за стишки прощают. Не он. Так что случится непременно. И что теперь?

Уля. - Да хоть обо мне-то подумай.

Кирилл. - Ишь как запела. Нет, милая. Ты прекрасно знаешь, с кем и с чем имеешь дело. Да я и не держу. Вольному воля...

Уля заплакала.

Кирилл (удрученно и смущенно) - Ну, вот этого только не хватало. Не ожидал от тебя, Енот. Давай-ка помаленькой.

Уля (вытирает слезы). - Давай. Что еще остается?!

Кирилл. - Что остается? Стихи остаются.

Уля. - Стихи твои. А после меня что?

Кирилл. - Да кто его знает, как оно еще повернется. Может, когда нибудь напишешь. Если меня внимательно слушать будешь.

Уля (восклицает). - А то я не слушаю!

Кирилл. - Значит, по другому слушать надо. Я же сказал - внимательно.

Уля. - Твою мать! Да объясни ты по человечески...

Кирилл (удрученно). - Да как тут объяснишь! Ну вот Марина Ивановна Цветаева это так объясняла - первые две строчки нового стиха ей Господь нашептывал, а остальное она дописывала.

Уля. - Так мне не шепчет.

Кирилл. - А ты когда последний раз Библию перечитывала? Вспомни Динкину бабулю, Евдокию Мироновну. Всю жизнь человек ее в руки не брал, а потом почитала, и стало ясно. То есть через эту призму...

Уля. - А что ей стало ясно?

Кирилл. - Да все. Про свою жизнь. Про чужую смерть. Да. Все ясно... (улыбается.) Мощная бабуля...

Уля. - Кир, ты че? Ей же девяносто поди?

Кирилл. - Ну да. Так и с тобой может случиться. Напишешь, не унывай только...

Уля (спокойно). - Учитель...

Вдруг бросается с кулаками на Кирилла.

Уля. - Я тебя убью, сэнсэй чертов!

Кирилл (хохочет, защищаясь) - Лучше поцелуй.

Уля (останавливается). - Ты какой поцелуй имеешь в виду? Тот самый? Библейский?

Кирилл (немного растерянно). - Енот, ну нельзя же так буквально все воспринимать...

Звонит городской телефон. Кирилл идет к нему, и, на ходу, говорит.

Кирилл. - А Библию все же читай.

Уля. - Читаю, не меньше твоего. И люблю Господа. Но не шепчет ни фиги.

Кирилл (разводит руками). - Ну...

Он берет трубку.

Кирилл. - Ого, здорово, пропащий. Ну как почему? Уже неделю тебя не видели и не слышали. Вот, лежим, держим голодовку по твоей вине. А по чьей же?

Где грибной суп-пюре? Где свиная отбивная с жареной картошкой? Где, в конце концов, ананасы в шампанском? То-то. Ладно, ждем.

Уля. - Архангел?

Кирилл. - Архангел, Архангел. Через полчаса где-то. Наливай, Улька, сейчас пировать будем.

Уля (неожиданно сварливо, по женски). - Ну, вот когда будем, тогда и налью.

Кирилл (смотрит на нее удивленно, обескураженно). - Ого. Ладно, хорошо.

Вот, значит, как оно бывает...

Уля (смеется). - Испугался. Ладно, давай по сто грамм.

Х Х Х

В комнату заходит Толя Архангелов - Архангел. Это плотный симпатичный малый одного возраста с Кириллом. Они бывшие одноклассники. То есть большую часть жизни дружат. Архангел финансист, банкир. Это чувствуется по замашкам, одежде. Дверь Архангел открыл своим ключом.

Архангел (весело). - Как вы тут, караси? Самочувствие? Наполнение пульса? Отношение к суровой реальности?

Уля (ворчит). - То Енот, то караси...Дурдом какой-то.

Кирилл. - Почему дурдом? Зоопарк. Или зверинец. Кому-то я об этом совсем недавно говорил... Не помню. А живем мы здесь хреново. Чего тебе не желаем. Вот живы, а на кой, непонятно.

Архангел. - Отставить нытье. Сщас, сщас...

Он достает из огромной сумки виски, закуску - копченую колбасу, икру, рыбу. Спрашивает.

Архангел. - Хлеб-то есть?

Уля. - Есть. Что за вопросы, Толя?!

Архангел. - Да ладно. Извини, если что. Ты, Уль, обидчивая, как наша Светлана Николаевна. Кир, вспоминаешь классную даму?

Кирилл. - А то. Ее, пожалуй, забудешь!

Уля. - А что такое?

Архангел. - Да Кирка ей нравился, так она его все время за жопу щипала.

Уля. - Ну и ну. Веселая у вас школа была.

Архангел. - И не говори, мать. Меня, кстати, ее племянник донимает. Куда не приеду - он уже там торчит. И сразу в разговоры. А подтекст один и тот же: «дай миллиончик».

Кирилл. - Интересно. Первый раз слышу. Ну и че, даешь денег?

Архангел. - Да я бы дал. Но у него на лице написано: «я и потом не отстану». Так что, себе дорожке выйдет. Ладно, Бог с ним. Ты-то как? Что со сборником?

Кирилл. - Да все в порядке. Правда, Уль?

Уля. - Позавчера последнюю сверку вычитывала. Так что, даст Бог, скоро выйдем. Эх, что бы вы все без меня делали?

Архангел. - Это точно. Скорей всего, ничего бы не делали.

Кирилл. - А ты не примазывайся. Да тебе и делать-то уже ничего не надо. Деньги делают деньги...

Архангел. - Нет, брат, так скучно. Я еще подымить хочу. Покуролесить.

Кирилл. - Мне бы твои заботы.

Архангел (помрачнев). - Тебя с моими заботами уже давно бы на свете не было. Сиди, Кира, и не питюкай.

Уля. - Мальчики! Можем выпьем? За встречу?

Кирилл и Архангел - вместе. - Уля! За тебя!

Они выпивают. Уля скручивает две самокрутки.

Кирилл. - Ну что, покурим... Архангел, ты как, не созрел?

Архангел. - Кирилл, долбаная тетя! Мы сколько раз на эту тему говорить будем!? Ну не буду я травкой травиться, хоть ты меня убей. Хватает мне водки.

Кирилл (насмешливо). - Травкой травиться...Чего пугается? Все равно ведь, лет шестьдесят стукнет - и все... Так живи на полную... Тем более, с твоими миллионами.

Архангел (миролюбиво). - И с твоими стихами. Да, Уль, спасибо за почту. Мощная вещь - «Караоке». Сщас... «Караоке»...

Читает.

Обступает меня тишина
Предприятие смерти дочернее.
Мысль моя, тишиной внушена,
Прорывается в небо вечернее.
В небе отзвука ищет она
И находит. И пишет губерния.

Архангел. - Взбудоражил. В очередной раз, Кирка.

Кирилл. - Ну, я рад. Чего скрывать. Кстати, эта последняя книжка будет называться «Караоке». А знаешь, как караоке с японского переводится? Пустой оркестр. Ты, Толь, и есть мое караоке.

Архангел. - Не понял. Ну, оркестр - ладно. Но почему я пустой?!

Кирилл молчит. Уля, сидящая за компьютером, говорит.

Уля. - Вы когда гавкаться перестанете?! С вами как на пороховой бочке.

Архангел (возмущенно). - С нами?! А может, с ним!

Уля. - А, ну вас. Слушайте. Сейчас знакомая девочка прислала. Крик души.

Читает стихотворение.

Что мне все приличия, если ночи терпкие,
Если груди теплые - под руками крепкими.
Если сердце тешится, о любви не думая.

Если рано вешаться ночью златолунною.

Она останавливается, смотрит на ребят. Те сидят молча, ошеломленные текстом. Уля улыбается.

Уля. - Еще хотите?

Продолжает читать.

...я такую кроткою становлюся полночью

Дорогою водкою напою я сволоча.

Гада симпатичного задушу в объятиях.

К черту все приличия, если жизнь проклятая!

Кирилл. - Чтоб я сдох...Где ж ты таких подружек находишь! Познакомь, Улька. А, Архангел?!

Архангел. - Будто... (он дает петуха, сбивается на фальцет. Прокашливается.)
будто миною накрыло.

Кирилл. - Да. Похоже ... на Сталинград.

Все трое начинают хохотать. Разливают виски, выпивают, Архангел и Уля делают бутерброды.

Архангел. - С икоркой, с рыбой. Давай, Кир, налегай.

Кирилл. - Все, Натолій, меня подпаивают. А ты - подкармливаешь.

Уля. - А я?!

Кирилл. - Ну, ты. Ты - это часть организма. Вроде меня кормишь, а на самом деле - себя. Это не в счет. Хотя, и с Натоліем не так все просто.

Архангел (настороженно). - Что ты там еще выдумал. Вечно лучшего друга обидеть норовишь.

Кирилл. - Да ни боже мой. Да и не друг ты мне вовсе.

Архангел (обращаясь к Уле). - Поняла! (К Кириллу.) Не друг. А кто?

Кирилл. - Ты мне не друг. Ты мне брат.

Архангел. - Ну, наконец-то. А вот караоке... Это ведь не только пение. Это еще и предмет, машина, аппарат. Ну я и решил, что стих надо как-то отметить. Вот...

Он достает из своей необъятной сумки плоский ящичек, микрофон. Говорит.

Архангел. - Машина называется «привет соседям».

Архангел смотрит на них, явно ожидая восторга и благодарностей. Они молчат. Кирилл смотрит на него тяжелым долгим взглядом, мрачней на глазах. Уля отвернулась.

Кирилл говорит.

Кирилл. - Нда, братишки - то получают... Каин и Авель. Сам не чувствуешь?

Хотя, конечно, не в чистом виде. В каждом намешано...от обоих. Может и правда, конец времен . И история эта уже не та. Не Каин Авеля, а Авель Каина...Морально. Чего глаза растопырил. Готовься. Станешь и тем, и другим. Ты на хрена мне эту шарманку приволок?! Архангел, ты что, на самом деле думаешь, что я через эту чертовщину что-то петь буду?!

Уля берет «караоке», рассматривает. Говорит.

Уля. - Ни фиги себе. Так это же последний наворот. Я читала, он же бешеных денег стоит. Ты офонарел, Натоллий?!

Архангел (торжественно). - Девяносто штук, как одну копейку...

Кирилл. - Нет, я неправ был сейчас. История останется канонической. То есть Каин все же сейчас пришибет Авеля.

Архангел (ворчит). - Наполеоновский комплекс во всей красе. Ты на себя-то посмотри, прежде чем мне грозить. В чем душа еще держится... Ладно, ничем вам не угодишь. Давайте нажремся, что ли.

Кирилл. - Ты бы угодил, если бы не ерундой занимался, а...

Он замолкает. Наливает виски, они выпивают.

Архангел. - Ну что - а? Просвети...

Уля. - Натоллий. Ты же богат, как Крез. Ты любишь его, его стихи. Так помоги. Не этими забавами, а по настоящему.

Архангел. - Ну, ну. И вы туда же.

Уля. - Туда же, не туда же... Вот возьми, и назначь нам стипендию...Штуки две баксов в месяц. Все же потом зачтется.

Архангел. - Это, конечно, не проблема. Но это проблема.

Уля. - Ты что, разорен?

Архангел. - Типун тебе на язык. О другом речь. Что-то не пойму, кто я вам - друг, брат или спонсор? Вы бы уж разобрались. И потом. Если сделать, как просишь, тут уж я точно Каином стану. Помрете оба через месяц от неумеренной травки и пьянства. И стихов не останется... Новых. Ненаписанных еще.

Кирилл, молчавший во время диалога, встает и говорит.

Кирилл. - Ты вот что, Архангел. Ты давай, иди отсюда. И не приходи больше. Точка.

Архангел. - Хорошо подумал?

Кирилл. - Уж что, что, а думаю я хорошо. Всегда. Тебе ли не знать.

Архангел. - Ладно. Тогда, покидаю сей предел. Черт вас поберет.

Архангелов встает и уходит. Кирилл тут же наливает себе почти полный стакан виски и выпивает его. И вдруг валится на диван. Как будто подстрелили. Уля бросается к нему.

Уля. - Твою мать, да что ж ты... Господи, синеет. О, Боже... Так, Архангел...

Она хватает мобильный, нажимает кнопку.

Уля. - Толь, Толь, у него приступ. Да, лицо синеет. Сщас посмотрю...Да, ногти тоже. Как тогда... Быстрее, Толь...

В квартиру вбегает Архангел. Говорит.

Архангел. - Давай нашатырь.

Он подходит к Кириллу, начинает делать ему сильный массаж сердца. Говорит.

Архангел. - Улька, ты что возишься?

Улька. - Да нет его в шкафу.

Архангел. - Конечно нет. Он наверху, на полке.

Уля. - Нашла. Держи.

Она подходит к дивану. Архангел уже просто сидит возле Кирилла.

Архангел. - Да все. Уже не надо. Так очнулся. Ну что, богатырь. Видел небо с овчинку?

Кирилл пытается сесть. Архангел рукой останавливает его.

Архангел. - Полежать надо, Кир. Ну что ты, не в первый же раз это с нами.

Кирилл. - Гиппократ доморощенный.

Архангел. - Фершал.

Все трое смеются. Вдруг Кирилл обрывает смех.

Кирилл. - Думаешь, помог, так все теперь...

Архангел. - Заметь - не в первый раз помог. И опять безвозмездно.

Кирилл. - Нет, как же все таки трудно отогнать менял от ворот храма.

Архангел. - Чево?! Нет, ****ь, ты любого достанешь. Видеть тебя больше не могу. Все. Я пошел.

Он встает.

Уля (орет в истерике). - Да вы уморить меня решили, два идиота! Ну давайте, давайте. У вас хорошо получается.

Она сидит на стуле, начинает рыдать навзрыд. Кирилл и Архангелов в растерянности. Они оба подходят к ней, гладят, успокаивают. Уля вдруг перестает плакать. Отталкивает их. Наливает виски. Пьет. Говорит.

Уля. - Я поняла. Кира, дошло наконец. Ты гений. Ты как всегда прав. Но ты неточно перевел. Не просто пустой оркестр, а пение под пустой оркестр, вот что такое караоке. Так что вся наша жизнь, это и есть караоке.

Кирилл обнимает сидящую Улю. Архангел садится на стул, говорит

Архангел. - И все таки. Концовку стиха прочитать?! Ты же сам написал, сам. Я только цитирую.

Кирилл. - Ну так цитируй.

Архангел читает конец стихотворения «Караоке».

Отступает ни с чем тишина
Паб закрылся. Кемарит губерния.
И становится в небе слышна
Песня чистая и колыбельная.
Нам сулит воскресенье она
И теперь уже без погребения.

Кирилл отпускает Улю и говорит.

Кирилл. - Аминь.

Х Х Х

Кирилл и Уля лежат на диване. Рядом, на стуле, стоит городской телефон. Кирилл говорит.

Кирилл. - Надо бы отдохнуть от народа, а, Уль. Устал я что-то.

Уля. - Ты от него, он от тебя. Отдохнуть надо, конечно. Архангел под руку попался, бедный.

Кирилл. - Да чего он бедный? Он же миллионер.

Уля. - Все в слова играешь?! Он же хороший, по сути, парень, Натолий.

Кирилл. - Парень, конечно, хороший. Зря, что ли, столько лет дружу с ним. Но не...

Кирилл прерывает фразу, замолкает. Уля продолжает ее.

Уля. - Но не орел, да?

Кирилл. - Да он сам мне рассказывал, как ему в армии старшина говорил - ты, говорит, рядовой Архангелов, орел. Но не тот орел, что в небе летает, а тот, что на дороге дерьмо клюет.

Уля. - Да Бог с ним. Кир...

Она тискает Кирилла. В этот момент раздается телефонный звонок, свет гаснет. Происходит смена декораций. Освещенная сцена разделена. В одной половине - все так же, как прежде. Кирилл отвечает на звонок. Уля недовольно

отпускает его. Во второй - комната, в ней сидит за столом Игорь, рыжеватый мужчина лет сорока. Это он звонит Кириллу. Он держит трубку левой рукой, правой что-то пишет.

Игорь. - Ну, привет, гражданин лирик. Хотя, какой ты на хрен лирик. Ты поэт-агрессор, вот ты кто. Уже третий человек от тебя отказаться решил.

Кирилл. - Третий кто?

Игорь. - Кто, кто... Друг твой по жизни, Архангел. Допрыгался, орел?!

Кирилл (угрюмо). - Орлы не прыгают. Орлы парят, высматривая добычу.

Игорь (хохочет). - Это в точку. Ладно, сам решай, что к чему. Я не лезу.

Кирилл. - Это правильно. Целее будешь. Потом, у нас с тобой, по моему, есть о чем поговорить. Так что, дорогие гости, пейте и закусывайте. И пусть вас не беспокоят этих глупостей.

Игорь. - Так и я о том же. Но, чтобы поставить точку. Кир, ты на кой всех опускаешь, а? Ну, так, ради любопытства, скажи. Ведь я то знаю, что ты никакая не злобная карла. Так в чем дело-то?

Кирилл. - Да все просто. Хочешь общаться, придержишься той планки, которую я сам себе поставил. Не хочешь - никто ведь не заставляет. Вольному воля, спасенному рай.

Игорь. - Нет, Кирилл, ты не прав. Они же не поэты.

Кирилл (усмехается). - Не все поэты. А, да, ты прав. Все не поэты.

Игорь. - Ну, кроме поэзии, есть ведь просто жизнь. Бренное бытие...

Кирилл. - Так уж получилось, Игорь. Эта планка и там, и там, у меня на одной высоте. Да понимаю я все, но ничего с этим поделать не могу. Черт! Ну не могу я это нормально объяснить!

Игорь. - Вот. Вот. Вот видишь, даже мне ты ничего толком объяснить не можешь. Что ж тогда от других ждать?!

Кирилл (мрачно). - Да ничего я от них не жду. Пусть стихи читают. Мои.

Игорь (опять хохочет). - И только твои. Ладно. Это даже хорошо, что ты сейчас мне сам об этом сказал.

Кирилл. - А что такое?

Игорь. - Да затеваю я тут прозу. Судя по всему, как раз об этом.

Кирилл. - Интересно. Рассказывай. Сам ведь начал.

Игорь. - Ну, речь, конечно, о стихах. Главная мысль, лейтмотив, в том, что поэзия, как часть искусства... Так, что-то я не с того начал. Речь сначала об авторе, а потом уже о стихах.

Кирилл. - А прототип есть?

Игорь. - Конечно. СобираТЕЛЬНЫЙ образ. Ты и я.

Кирилл. - Ну, если так, тогда имею право. Игорь, поэзия - не часть искусства. Она вообще не часть. Она только целое.

Игорь. - погоди. Искусство - это способ передать свою эмоцию другому. И что такое тогда стих, как не этот способ.

Кирилл (усмехается) - Ну я и говорю - пропаганда. Да ни фиги подобного.

Никогда поэт не собирается никаких своих эмоций никому передавать. И стихи пишутся совсем не так. Вернее, совсем не для этого. Короче, стихи - это

продукт. Продукт - вода, мясо, хлеб, креветки, водка...

Игорь. - Соль, спички, порох...

Кирилл. - Ну да. Продукт, необходимый для жизни. Такая пищевая духовная цепочка. Для поддержания твоей собственной жизни. И я его собственноручно вырабатываю. Так причем здесь другие люди? Хотя, конечно, потом делюсь.

Игорь. - Потом... Тут же.

Кирилл. - Не скажи. Не всегда.

Игорь. - Вот те раз... Вот тебе и планка... Кира, все, что ты сейчас сказал...трюизм.

Кирилл (гневно). - Едрена мать! (Вдруг спокойно.) Слушай, что ты заладил, как попка - планка, планка... Да пусть трюизм! Если я без этой банальности подохну, пусть она будет.

Уля, которой этот разговор поднадоел, начинает гладить Кирилла, и, в конце концов, залезает рукой в штаны. Кирилл делает вид, что он этого не замечает. Кирилл продолжает.

Кирилл. - Стих рождается произвольно. А раз так, ты и не думаешь, что его еще кто-то читать будет, переживать суть. Хотя вот это - то уже и есть банальность. Трюизм. Слово-то какое выкопал! Тьфу... Нет, бляха-муха, я больше с тобой разговаривать на эту тему не буду. И вообще больше не буду. Ни с кем. Ни хрена не получается, я ж говорил.

Игорь. - Нет, коллега. Очень много чего полезного сказал. Давай закончим.

Кира, поэзия - это жизнь? Я тебя правильно понял?

Кирилл. - Нет. Неправильно.

Игорь. - Как неправильно?! Ты же сам только что...

Кирилл. - Да. Наговорил кучу дров. Поэзия, Игореха, это и жизнь, и смерть. Одновременно.

Игорь. - Что ж. Умри, лучше не сформулируешь.

Кирилл. - Но, на сам деле, и это не так.

Игорь. - Силен. А как?

Кирилл. - А как - один Господь знает. Но об этом, Игореха, никому ни слова. Это между нами. Договорились?

Игорь. - Шутник. Хорошо. А в Бога-то веришь?

Кирилл. - Это тебе тоже для книжки?

Игорь. - Ну да. А что, есть какие-то сомнения?

Кирилл. - Ну что ты. И в помине нет. Мы же прототипы. Близнецы-братья. Последнее - глупая шутка. Теперь слушай, что говорит об основных истинах лучший поэт начала века.

Игорь. - О базовых ценностях.

Кирилл. - Каких к черту базовых ценностях! Игорь, я сказал - об основных истинах. А о базовых ценностях пусть тебе серые волки рассказывают.

Игорь. - Закончили разминку. Весь внимание...

Кирилл. - Так вот, не имеет никакого значения, верю я в Бога, или нет. Ни для кого. Кроме меня. Но вот церковь, как гражданский институт, я всегда уважал и

поддерживал. Не обязательно ее любить, но уважать надо. Если конечно, в твоём черепке есть ещё серое вещество.

Игорь. - Замечательные слова. Полностью согласен. Но все же - расшифруй. Так надежнее будет.

Кирилл. - Понимаю, коллега. Ну, тут все просто. Человека Бог создал из света. Но Адаму было скушно. В результате появилась тень.

Игорь. - Баба?

Кирилл. - Ну, это ты сказал (он косится на лежащую с закрытыми глазами Улю, которая продолжает держать руку в его штанах.). Слушай, Игорь, ну тебя к шутам! Ну ты же поэт, а не балтийский матрос. Где метафорическое мышление?! Сразу - баба! Что ж вы все так бестолково Библию понимаете? Отношения появились, понимаешь, отношения. Ладно. Так вот. В тени сидят зависть, злоба, ну, чем говорить, по списку...

Игорь. - Да, да...

Кирилл. - Вот творец и сдерживает эту пакость через своих, через священников. После революции куда мы их загнали?

Игорь. - Большевики...

Кирилл. - Большевики. Большевики только клич бросили. А дальше богоносный народ сам с ними разбирался. Так вот. И где, почти тут же, где потом сами оказались?! Все. поголовно. Как стадо баранов, прости Господи. И когда сегодня кто-то губы кривит, дескать, попы мне не указ, надо таких обратно загонять.

Игорь (деловито). - В жопу, то есть.

Кирилл. - Что? Нет, ну есть, конечно, ещё места. Но зачем? Есть же замечательная традиция, есть историческая память, в конце концов. Так что лучше в нее. Согласен?

Игорь. - Да. Совпадаем. Да я и не сомневался. Хотелось просто, чтобы озвучил. Хотя есть нюанс. Попы - они разные.

Кирилл. - Да кто с этим спорит, все же люди. Это элементарно... Подожди секунду, Игорь.

Он, прикрыв ладонью мембрану, говорит Уле, которая уже пытается забраться на него.

Кирилл. - Мешаешь концептуальному разговору. Надоело просто так водку пить, дай с человеком поговорить. Скажи спасибо, что по телефону. А то бы уже под столом лежали.

Уля (обиженно). - Да пожалуйста. Говори. Мне то что.

Она слезает с Кирилла, лежит рядом, но руку из штанов не убирает. Кирилл смотрит на её несчастное лицо. Говорит.

Кирилл. - Ладно, Игорь. Что - то мы сегодня заболтались с тобой.

Игорь. - Заболтались, заболтались. Нет, ну я то и с тобой говорю, и работу работаю. Гай Юлий Цезарь, понимаешь.

Кирилл. - Какую работу?

Игорь. - А... Сионские псалмы перевожу. С иврита на русский, с подстрочником. Славный город Иерусалим, Сионский холм...

Кирилл. - Че это тебя вдруг пробило?

Игорь. - Ну как что?! Только же что о Боге говорили, вот так и пробило, примерно...

Кирилл. - Слушай, Игорек, ты мне голову-то не морочь. Не люблю я этого.

Игорь. - Да ладно, ладно. Из синагоги позвонили, двадцать долларов псалом. А денег, как всегда, нет. Ну и че бы людям не помочь.

Кирилл. - Да молодец, что тут скажешь.

Игорь.- Ну, а ты чем занят?

Кирилл смотрит на руку Ули и говорит.

Кирилл. - Да, примерно, тем же самым. Пока, Игорек.

Игорь. - Привет, привет. Ох, стой, чуть не забыл. Ты в курсе, что Эмили вчера в Москву приехала? По моим данным, она у Васек сейчас.

Кирилл молча кладет трубку и убирает руку Ули. Игорь улыбается и тоже выключает мобильный.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Квартира Кирилла и Ули. Кирилл встает, начинает ходить по комнате. Уля глядит на него молча. Кирилл останавливается, говорит.

Кирилл. - Приехала...

Уля. - Стоп. Дальше пока не продолжай.

Уля встает, подходит к столу, наливает себе виски. Выпивает. Говорит.

Уля. - Эмили. Пить будешь?

Кирилл. - Нет. Поеду я к Васькам.

Уля. - Так. Значит она у этих паразитов. Хочешь свеженьким выглядеть?!

Кирилл. - Вот, тебе и объяснять ничего не надо. Ладно, Уль, ты посиди пока в одиночестве.

Уля (усмехается). - Гордом. Слушай, Кирилл, ну Бог со мной, но ты-то... Как ты-то с ней общаешься, после того, что было?

Кирилл (спокойно). - Ладно. Разберемся.

Уля. - Кир, любименький... Помнишь, мы с тобой говорили... Ну, чтобы уехать отсюда. Ты еще сказал, что если уезжать, то только в Иерусалим. Потому что он намоленный. Помнишь?

Кирилл. - Конечно.

Уля. - Я тут узнавала... Оказывается, есть у меня еврейская кровь... по маме. Давай, уедем, а, Кир?

Кирилл. - Ну я же сказал - разберемся. Енот, где мой светлый пиджачок?

Х Х Х

Очередное затемнение на сцене. Потом появляется интерьер лондонской квартиры Эмили. Кирилл сидит за столом, выпивает шампанское. Заходит Эмили. Говорит.

Эмили (с иронией). - Большой русский поэт в гордом одиночестве. Давно пьешь?

Кирилл (бурчит).- Давно. Сколько себя помню.

Эмили. - И все время шампанское за 80 фунтов!

Кирилл. - Жалко тебе, что ли.

Эмили. - Жалко. Себя жалко. Шампанское тоже.

Кирилл. - Ты прямо как русские женщины в своих селеньях. Сейчас заголосишь, что я твою молодость погубил.

Эмили. - Не успел. И уже не успеешь. И я не хочу быть русской женщиной.

Кирилл. - Да я это уже понял.

Эмили. - Раз понял, собирайся. Я тебя отвезу сейчас к Люсе.

Кирилл. - А сама?

Эмили. - А сама поеду отмечать рождество.

Кирилл. - Опять недоступное мне высшее общество?

Эмили. - Да. Там будет внучка Чарли Чаплина.

Кирилл. - А, ну тогда я пас. Куда нам со свиным рылом в калашный ряд.

Эмили. - Что ты говоришь, Кирилл Орликов? Я ничего не понимаю.

Кирилл. - Дать бы тебе раза. Ладно, поехали.

Эмили. - Какого раза?

Кирилл. - Это метафора.

Эмили. - Понятно. Это продолжение нашей тематики... художник и толпа, да?

Кирилл. - Темы. В какой-то степени...ты права.

Эмили. - Конечно, права.

Кирилл. - Что, и скучать по мне не будешь?

Эмили. - Скучать? Буду. Но сначала отдохну от Сергея Есенина.

Кирилл. - Эх, если б тебе и правда в бой - френды не меня, а Сергея Александровича. Вот тогда бы узнала, почем фунт изюма.

Эмили. - Опять я не понимаю. Изюм...фунты...

Кирилл. - Ну, я же тебя не бил никогда? Правда?

Эмили. - О, Кирилл...

Кирилл. - А Сергей Александрович мудохал бы каждый божий день.

Эмили. - Поняла.

Кирилл. - Отличница. На лету все схватываешь.

Эмили. - Учитель есть. Уже семестр. Хватит.

Кирилл. - Ну, хватит, так хватит. Передай мой привет папе.

Эмили (гневно). - Перестань, Кирилл Орликов. У него появляются боли в сердце...

Кирилл (удрученно). - Как только меня увидит... Ладно, прости. Но ты меня

пойми. Я же думал, он настоящий драматург, пьяница, творец...
Эмили. - Собирайся. Я жду.

Х Х Х

Мастерская Василия. Сцена та же, что и в начале, только позирует ему на этот раз Эмили. Василий все так же напевает все ту же дурацкую песенку. Он разглядывает набросок, упершись ладонью в темя самого высокого мальчика.

Василий (напевает). - Поп оп татарина, поп оп татарина, поп оп татарина - а татарин оп - па попа, а татарин оп - па попа...

Эмили (теперь она говорит по русски вполне сносно). - Что это ты поешь такое странное? И вообще, как вы тут? Что происходит?

Василий. - Да что?! Что и всегда. И везде, не только у нас. Не ценят художников. Что это у тебя?

Он берет со столика книгу. Читает название.

Василий. - «Прогулки с Пушкиным», Абрам Терц. Концептуальная вещь. Я хочу что-то подобное в живописи сделать. Дашь почитать?

Эмили. - А ты что, не читал? Бери. Дарю. А художников и правда не ценят. И ты верно заметил, процесс это интернациональный. Ну, а как Кирилл? Все так же противостоит толпе?

Кирилл, стоящий в дверях незамеченным, подает голос.

Кирилл. - Да. И это уже процесс вечный.

Эмили. - Ох! Кирилл! Милый!

Она накидывает на себя тунику и бросается на Кирилла. Тот еле устоял. Видно, что он растроган. Хотя пытается сохранить невозмутимость. Он через плечо Эмили спрашивает у Василия.

Кирилл. - Седьмой свободен? Где Динка?

Василий. - Свободен. А с Динкой плохо. Бабка у нее умерла. Страдает жутко.

Кирилл снимает с себя Эмили. Они стоят, смотрят друг на друга. Потом Кирилл говорит.

Кирилл. - Вы закончили?

Василий. - Почти. Еще пару набросков...

Кирилл. - Перебьешься.

Василий (зло). - Кирилл! Ты что-то много стал на себя брать...

Кирилл. - Заткнись! А то ведь сейчас расскажу, куда уйдет ее портрет.

Василий (он опять ерничает). - Куда уйдет, куда уйдет... В вечность уйдет.

Кирилл. - ****ь, как вы мне надоели, халтурщики чертовы. И ведь каждый еще и с понтами, про вечность заикается...

Эмили. - Мальчики, что случилось? Чего вы спорите?

Кирилл. - А! Не обращай внимания. Идем, Эмили.

Х Х Х

Они уходят. После затемнения на сцене декорации кухни с широким подоконником. Появляются Кирилл с Эмили. Кирилл говорит.

Кирилл. - По косячку?

Эмили. - Да я уже отвыкла от травки. Ну, давай.

Они закуривают. Немного помолчав, Эмили говорит.

Эмили. - И часто ты ее...употребляешь.

Кирилл. - Да каждый день.

Эмили (усмехается). - Люди, взрослея, бросают ее...

Кирилл. - Ну ты же знаешь. У меня все наоборот.

Эмили. - Да. У тебя все наоборот.

Кирилл. - Бог с ней. Как ты? Здорово выглядишь. Чем занимаешься?

Эмили (лукаво) . - А ты не знаешь?

Кирилл. - Конечно, знаю. И даже знаю, что ты об этом знаешь.

Эмили. - Скорее, чувствую. До сих пор чувствую твое дыхание... Вот так.

Они целуются. Потом Кирилл говорит.

Кирилл. - Как будто ничего не изменилось.

Эмили. - Да. Как будто. Но ты же знаешь, что изменилось все.

Кирилл. - Знаю. Не хочу этого знать. Ничего не изменилось.

Эмили. - Все, все, все... Расскажи, как стихи? Как твоя жизнь... Ведь стихи...

Кирилл. - Ну да. Моя жизнь. Ладно. Слушай.

Возьми меня руками голыми,
ногами голыми обвей.

Я так измучился с глаголами
и речью правильной твоей.

Я так хочу забыть грамматику
хочу с луной сравнить тебя.

Той, что дает, любя, лунатику
И оборотню, не любя.

Эмили (тихо и сексуально). - Так что, седьмой свободен?

Кирилл. - Идем скорее.

Х Х Х

Декорации комнаты на седьмом этаже. Кирилл и Эмили лежат в постели.

Потом Кирилл садится на край, закуривает свою нескончаемую травку.

Кирилл. - А ты надолго в Москву?

Эмили. - Да нет. На неделю, не больше. В Ленинке надо посидеть.

Кирилл. - Так ты что, всерьез занялась русской поэзией?

Эмили. - Серьезней некуда. Сейчас в один журнал буду писать о том, как Блок писал «Двенадцать».

Кирилл. - И как он ее писал?

Эмили. - Ты будто не знаешь? На одном дыхании.

Кирилл. - Это да. Хотя тоже, кто это видел? Сплошной миф. Одно только достоверно известно: шептал ему в ухо при этом не Бог, дьявол.

Эмили (озадаченно). - Дьявол?

Кирилл. - Эмили. Родная. Бросай ты это дело. Ведь ему тогда и вправду кто-то привиделся. И не в венчике из роз. Там у впереди идущего натурально рога торчат. Ну, ты сможешь это объяснить?

Эмили. - Так помоги.

Кирилл. - Как тут поможешь. Как можно объяснить, что нас толкает в его объятья. Надо самому в них побывать. Это единственный вариант.

Эмили. - В объятьях дьявола?

Кирилл. - В них, в них, родная.

Эмили. - Так. Встаем. Идем к ребятам. С Василисой поздороваться.

Кирилл. - А надо?

Эмили. - Надо, надо. А насчет объятий...Ну, я же в твоих побывала. Это уже кое-что.

Х Х х

Декорации квартиры на пятом этаже. За столом сидят Василии, Сеня, Владимир. Пьют «Ахашени», стол уставлен разными блюдами. Заходят Кирилл и Эмили.

Кирилл. - Ого! По какому поводу праздник?

Василиса. - Здравствуй Эмили, здравствуй дорогая. Дай я тебя поцелую. Не праздник, к сожалению, тризна. Дина вот стол накрыла.

Кирилл. - А сама?

Василиса. - Так у нее там тоже поминки.

Кирилл. - Понятно. Ну, давайте, не чокаясь, за упокой рабы божьей, Евдокии.

Все пьют. Эмили спрашивает.

Эмили. - А кто это, Евдокия?

Кирилл. - Это динкина бабушка. Динку-то помнишь?

Эмили. - Ну что ты... Ее не забудешь. Даже если захочешь.

Кирилл. - Ну вот. А теперь представь ее в глубокой старости.

Эмили. - О! Это, наверное, жутко интересно.

Кирилл (улыбается). - Не то слово...Тоже, кстати, один из вариантов твоей

любимой темы.

Эмили. - Поэт и толпа?

Кирилл. - Да. А что, уже поостыла к ней?

Эмили (усмехается). - Скорее наоборот. У меня жених кинорежиссер из Америки. Как ты говоришь - «мало не покажется».

Кирилл. - Да наслышаны. И что? Покруче меня будет?

Эмили. - Ну что ты! До тебя всем далеко.

Кирилл. - Спасибо и на этом. Стих хотите?

Все замолкают. Кирилл начинает читать.

Будет дождь идти, стекать с карнизов
и воспоминанья навевать.

Я - как дождь, я весь - железу вызов

А пройду - ты будешь вспоминать.

Будет дождь стучать о мостовую
из камней слезы выбивать.

Я - как дождь, я весь - не существую

а тебе даю существовать.

Кирилл. - Что притихли?! Пока рано горе горевать. Вот он я. А вот «Ахашени»!
Вперед!

Кампания начинает усиленно выпивать. Владимир, уже заметно пьяный, говорит.

Владимир. - И откуда такая уверенность?

Кирилл. - В смысле?

Владимир. - Ну, что тебя будут вспоминать? Больно ты уверен в этом.

Кирилл (улыбается). - Ну, а кого? Не тебя же.

Сеня (хохочет). - Его, его. С его нетленной публицистикой...как ты говоришь,

Кирилл...ленинской школы...уморил, Вовка.

Эмили. - Ребята, а можно я вас поснимаю на камеру?

Василиса. - Нужно.

Эмили достает из сумочки камеру, встает, начинает их снимать. Владимир вдруг спрашивает ее.

Владимир. - Эмили, а вот скажи нам... Скажи, почему ты не с Кириллом? Что случилось?

Кирилл привстает.

Кирилл. - Твою мать! Сейчас ты, пьяная рожа...

Эмили. - Подожди, Кирилл. Я скажу.

Сеня. - А потом я ему в рожу...

Эмили. - Да не надо. Понимаешь, Вова, Кирилл - это явление. А с явлением нельзя жить вместе. Явление нужно изучать. И жить...чуть в стороне от него.

Кирилл. - «Есть в напевах твоих сокровенных / Роковая о гибели весть»...

Эмили. - Блок. «К Музе». Так, Кирилл?

Кирилл. - Так, так. Отличница. Девушка из высшего английского общества. Дочка сэра. Там еще есть...про тебя. Когда будешь изучать, обрати внимание.

Эмили. - Что именно?

Кирилл. - Да вот. Слушай: « Зла, добра ли?/ Ты вся - не отсюда./ Мудрено про тебя говорят./ Для иных ты - и Муза, и чудо/ Для меня ты - мученье, и ад».

Эмили. - Все та же тема... Так я все же не толпа?! Ладно, ребята, пора мне. Василиса, до свидания, рада была вас всех повидать.

Кирилл. - Ну, пора, так пора. Посошок...

Он наливает себе почти полный стакан коньяка, выпивает.

Кирилл. - А вообще - то последняя надежда была. Как у Блока : «Роковая о гибели весть...» А я было подумал : благая весть о спасении...Ладно, идем.

Эмили. - Куда?

Кирилл. - На седьмой, куда же еще.

Эмили. - Кирилл...

Кирилл. - Идем, идем...

Он берет ее за локоть, и почти насильно выводит из комнаты.

Х Х Х

Декорации квартиры на пятом этаже. Кирилл лежит на диване, за столом сидят Василий и Владимир. Василиса встает и говорит.

Василиса. - Все, господа хорошие, попили-погуляли. Пора завязывать. Я на работу.

Василий. - Я тоже. Пора к нетленке возвращаться.

Кирилл. - Ох! Но я молчу. Кыш сказать уже трудно, не то что...

Владимир. - Все пропили. Сейчас все карманы перевернул, ни копейки.

Василиса. - Вот и хорошо. Привет, я ушла.

Василии уходят. Кирилл говорит.

Кирилл. - Что, правда, что ли, что мы пустые?

Владимир. - Мы! Ты когда полный - то был?! Мы пахали.

Кирилл. - Молчи, убогий. Надо было твоей маме аборт сделать. Черт, что это такое?

Кирилл достает из под спины камеру Эмили. Говорит.

Кирилл. - А ты говоришь. Наш опохмел.

Владимир. - А что это?

Кирилл. - Спасение.

Кирилл достает из кармана брюк мобильный, звонит. Идет разговор по телефону.

Кирилл. - Але. Тимофей. Это клиент, Кирилл. Ну, Улю помнишь? Она тебе еще недавно караоке новое сдала за полцены. Я от нее. Есть камера, навороченная, «Сони». Наличные необходимы. Да нет, сейчас надо, срочно. Ладно, к тебе сейчас парнишка подскочит. Заодно отоварь его продуктом. Ну, каким. Какой Уля у тебя постоянно берет. Ули нет. На даче. Тебя что - то смущает? Все, парнишка выезжает.

Х Х Х

После обеда. Та же квартира, Кирилл сидит за столом, говорит Владимиру, с трудом ворочая языком. Он сильно пьян.

Кирилл. - А где Василиса, урод?

Владимир. - Кто из нас урод. Ты на себя-то погляди.

Кирилл. - От этого ничего не изменится. Ты так и останешься уродом. Где Василиса? Я ей стих написал, пока ты чужие вещи барыге сдавал.

Владимир (задыхается от возмущения). - Я!?

Кирилл. - Ты, ты, а кто же еще. Домушник несчастный. Ладно, нет Василисы, слушай ты.

Кирилл читает стихотворение. И будто спадает опьянение, речь его чиста и чеканна.

И еще. У Никитских врат,
сто на брата - и черт не брат.
Под охраною всех властей
странный дом из одних гостей.

Здесь проездом томился Блок,
а на память - хоть шерсти клок.
Заклучим его в медальон,
до отбитых нальем краев...

Кирилл поднимает свой стаканчик. Край у него действительно немного отбит. Кирилл выпивает водку, ставит стакан, говорит.

Кирилл. - Рифма. А, хрен с ней. Не в ней дело. Слушай.

Боже правый, пометь перстом
эти крыши пометь крестом,
аки крыши госпиталей,
в день назначенный пожалей.

Кирилл. - Все! Дошел до точки. Перед свиньями свои стихи читаю.

Он выпивает. Владимир смотрит на него, потом встает. Говорит.

Владимир. - Перед свиньями...Значит, передо мной...

Кирилл (совсем уж пьяно). - Догадливый ты...

Владимир бьет его кулаком по лицу. Шипит.

Владимир. - Это ты тварь...Бомж подзаборный...Голытьба хренова...

Ненавижу, тебя и твои стихи, ненавижу...

Он опять бьет Кирилла. В это время слышится голос Сени.

Сеня. - Есть кто дома? Золотая рота, подъем!

Сеня заходит в комнату, видит удар Владимира. Говорит.

Сеня. - Он же в ауте. Ты чего творишь.

Сеня перехватывает руку Владимира. Говорит.

Сеня. - Ладно. Вмазал и вмазал. Скорей всего, за язык, да?

Владимир (угрюмо). - Да за все.

Сеня. - Понятно. Ты скажи, ты - то как?

Владимир. - Ну, вроде начало схватили. Метастаз пока, говорят, нет. Через неделю операция.

Сеня. - Дошутились, ****ь. Слушай, а ведь правильно суетишься. Если что, никому ведь на хрен не нужен. Никто не вспомнит, ни плохо, ни хорошо...

Владимир (кричит). - Ты...

Сеня. - Я, я. Ладно, ты иди, а я его сейчас под кран засуну. Потом во всем разберемся.

Х Х Х

Затемнение. Затем сцена медленно освещается. За столом все в той же комнате сидит Кирилл, он спит, положив голову на руки. Больше в комнате никого нет. Звучит звонок мобильного, Кирилл поднимает голову, достает телефон. На сцене звучит голос Эмили.

Эмили. - Привет.

Кирилл. - Привет, Эмили. Привет золотой молодежи от золотой роты. Ты куда подевалась-то?

Кирилл говорит и одновременно наливает себе водки. Выпивает.

Эмили. - Я в Ленинке. Что-то, мне кажется, без толку. Правильно? Толку никакого.

Кирилл. - Ну, наконец-то. Хоть что-то до тебя начало доходить.

Эмили. - Кирилл, я у вас камеру забыла. Посмотри на диване.

Кирилл. - Камеру? Ах, да, камеру. Нет ее, родная. Пропили мы ее намедни.

Эмили. - Это правда?

Кирилл. - Святая! В белом веничке из роз! Клянусь!

Эмили. - Кирилл Орликов! Я тебя ненавижу!

Х Х Х

ЭПИЛОГ

Декорации «двушки», почти полностью повторяющие интерьер квартиры Ули и Кирилла в Москве : диван, стол, стулья. В одной комнате сидит Уля и разговаривает по скайпу с Диной. Кирилл лежит на диване спиной к зрительному залу.

Уля. - Привет. Хорошо выглядишь. Как ты нас нашла?

Дина - ее лицо на мониторе компьютера Ули.

Дина. - Архангел наводку дал. Что-то он тревожится. Говорит, плохо с Кирой.

Уля. - Плохо - не то слово. В общем, Динка, уезжать мы собираемся из этого города, из этой страны. Кирилл говорит - бес нас сюда закинул. Нет, по мне так здесь нормально, в

Беэр-Шеве этой. Библейский город, такая история, но этот... Мы же в Москве квартиру продали, да здесь пособие назначили, так он, веришь, месяц уже не просыхает. Ходить не может, говорить не может...ничего не может. На прошлой недели подозрение на инфаркт было. Врачи ездить к нему уже отказываются - все время пьян.

Дина.- Да почему?!

Уля. - Ну, и правда, все это неожиданно получилось. Хотели - то в Иерусалим, там и литературная жизнь, и вообще... Кирилл считал, в нем христианство началось, значит там и жить по настоящему можно. Но нас никто и слушать не стал. Засунули в эту пустыню. Он всего раз и по городу-то прошелся. Один здешний поэт предложил ему какие - то псалмы переводить, так он его послал. Короче, караул. Мне вот работу хорошую в медцентре предлагают, а я его на минуту оставить не могу. Такие дела. Сижу, пишу стихи, жду, когда очнется, виски начнет требовать.

Дина. - Слушай, ну ума не приложу, как помочь-то вам?!

Уля. - А зачем нам помогать? Дин, я тебе сейчас такую штуку скажу... Даже страшно. Короче, ты знаешь, чем Кирка беспомощней становится, тем я уверенней себя по жизни чувствую. Представляешь! И даже стихи другие сейчас пишутся. Вот слушай.

То что на свете дороже всего,
То не зависит от мира сего -

То вообще не от мира сего,
Что ж, ничего.

Будем и то, что имеем, ценить,
Чтоб не прервалась суровая нить
Между молитвой моей и мольбой
Мной и тобой.

Дина. - Здорово. Ну, пока, мне на кафедру нужно бежать. До связи. Да. Ты молитву какую-то конкретно имела в виду?

Уля. - Более чем. Сейчас.

Уля берет со стола листок и читает.

Уля. - «Облегчи, Владычица, болезнь, утиши бурю злых нападений,
Пречистая, отыми бремя грехов моих, Преплагая, и утоли мои печали,
сокрушающие сердце»!

Дина. - «Утоли мои печали»...Уля! Лучше не придумаешь. До связи, дорогая.

Уля закрывает крышку ноутбука. Встает, выходит из комнаты. Возвращается, ставит на стол тарелки, достает бутылку виски. Наливает чуть-чуть, выпивает. Говорит.

Уля. – А ведь я думала, что помогла тебе. Нам. Что они остались там, дома. Да они и остались. Ну, а здесь – то кто? Здесь вообще марсиане. И как жить теперь будем? А, Кир? Кирилл!

Уля подходит к дивану. Разворачивает Кирилла. Слушает сердце. Садится рядом и шепчет.

Уля. - Что же мы наделали. Ведь погубил все таки свою душеньку. А ведь клялся - божился : я не душегуб.

Уля встает и кричит.

Уля. - Господи! Что же мне делать-то теперь!?

Она опять садится и говорит совсем уж растерянно.

Уля. - Блин...

В это время звонит телефон. Уля берет трубку, слушает, отвечает.

Уля. - Да. Я поняла. Медцентр на площади, вход справа. Но я не смогу через неделю придти. Когда смогу? Через девять дней.